

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

В.Г. РОДИОНОВ

**ЧУВАШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
1900–1908 ГОДОВ**

Чебоксары
2012

УДК 821.512.111.0
ББК 83.3.(2Рос.Чув)
Р 60

Рецензенты:

А.Ф. Мышкина, доктор филологических наук, профессор;
Г.И. Федоров, доктор филологических наук, профессор

Родионов В.Г.

Чувашская литература 1900–1908 годов. – Чебоксары:
ЧГИГН, 2012. – 104 с.

ISBN 978-5-4246-0121-7

Работа представляет собой обзорную статью, подготовленную для коллективной монографии «История чувашской литературы XX века (Часть I)», печатается в полном объеме с целью апробации основных ее положений.

ISBN 978-5-4246-0121-7

© В.Г. Родионов, 2012
© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2012

ПОЭЗИЯ

1

В нашем представлении фольклор – это исторически обусловленная система «систем» или «подсистем». Целостное изучение жанровых систем подразумевает выявление одноуровневых элементов в народном словесном творчестве.

Фольклор является результатом многовековой творческой деятельности народа. Для чувашей в Средние века он был культурно-идеологической основой. Примерно до середины XIX в. данный культурно-идеологический комплекс функционировал без структурно-качественных изменений. Устоявшаяся на многовековых традициях фольклорная система соответствовала средневековому мировоззрению народа и феодальным общественным отношениям, формам общественного разделения труда данной формации. В процессе распада основы общественного разделения труда периода феодализма и утверждения в народе христианских представлений разрушается старая культурно-идеологическая система, претерпевает изменения и средневековый фольклор. В то время идет интенсивный процесс формирования культуры нового типа. В обновленной культуре роль фольклора значительно меньше, чем в культуре феодального типа. Его начинает заменять профессиональная культура, в частности литература.

Устное поэтическое творчество народа в эпоху возникновения и развития капиталистических отношений в обществе имеет качественное отличие от его средневековой системы. От крестьянской массы отделяется и формируется интеллигенция. Если в середине XIX в. она была весьма слабой, то во второй половине XIX в. стала заметной силой в обществе. Появилась национальная профессиональная культура. У новых социальных групп утвердились свои формы удовлетворения духовных потребностей.

Первоначально профессиональная культура была достоянием лишь небольшой части общества. Постепенно она стала проникать в крестьянские массы и осуществлять те функции, которые раньше принадлежали только фольклору. Устное

творчество народа перестало быть единственной формой удовлетворения духовных потребностей чувашского общества. Фольклор и художественная литература начали сосуществовать, влияя друг на друга. Две составляющие национальной словесной культуры становятся взаимодополняемыми и взаимозависимыми. Те сферы духовной жизни народа, которые не могли быть охвачены жанрами профессиональной культуры, оставались зоной бытования и использования фольклора (пословиц и поговорок, текстов заговоров, молитвословий, клятвенных слов, благопожеланий).

Жанры фольклора могут активно функционировать при условии сохранения обрядов, в ином случае они переходят в пассивный фонд и остаются лишь в памяти бывших исполнителей их текстов. Со второй половины XIX в. под воздействием христианского просвещения и с усилением капиталистических отношений стали упрощаться чувашские традиционные обрядовые комплексы. К началу XX в. были оставлены обряды явно выраженного религиозного характера (общественные жертвоприношения и др.), некоторые из них трансформировались и превратились в праздники (например, *чӱкӼеме*).

В.К. Магницкий советовал Н.В. Никольскому особо обращать внимание на исчезающие жанры (молитвословия). Н.И. Ашмарин призвал чувашскую интеллигенцию собирать тексты исчезающих жанров народного творчества. Он и Н.В. Никольский приступили к пополнению рукописных фондов (первый собрал около 30, а второй – более 200 томов фольклорно-этнографического и исторического материала). Под их руководством началась дружная работа по сбору памятников народной культуры, в том числе и текстов устно-поэтического творчества. Данное движение действительно было подвижническим и отражало новый уровень этнического самосознания чувашской интеллигенции начала XX в. Она открыла для себя новую ценность – народную культуру, в том числе словесную (речевые жанры) и словесно-музыкальную (напевно-речевые жанры).

К художественной литературе из искусств ближе, как известно, музыкальное искусство. Есть жанры, в которых поэзия синтезирована с музыкой (народные песни, романсы), а ритм стиха полностью растворяется в ритме мелодии. Поэзию с му-

зыкай связывает многое: приемы инструментовки, образы, разного рода повторы, строфа, строка и т.д.

Обращение творческой интеллигенции к народной песне нельзя мотивировать лишь ростом ее национального самосознания. Причины лежат глубже, они связаны с философскими исканиями и убеждениями поэтов начала XX в. В те годы часть чувашской интеллигенции увлекалась философией «всеединства» и теорией о Богочеловеке Вл. Соловьева и других русских философов. Идея гармонической связи всех явлений природной и человеческой жизни была весьма близка чувашской народной философии¹. И первая, и вторая основывались на феномене «великого синтеза», ставшем одним из основных компонентов поэтики XX в.

Истоки идеи синтеза восходят, как отмечает О.Ю. Юрьева, к художественным исканиям русских писателей XIX в.: А. Пушкина, М. Лермонтова и др.² Вполне вероятно, что переводы на языки нерусских народов произведений именно этих поэтов осуществлены по причине наличия в них идеи синтеза как универсального метода изображения и восприятия мира.

Почему идея синтеза близка чувашам и другим нерусским народам Урало-Поволжья? Их языки относятся, как известно, к агглютинативным языкам, которые признаны морфофоноцентричными, в противовес флективным (к ним относятся индоевропейские языки, в том числе и русский). В первых, где действует закон гармонии гласных звуков (сингармонизм), доминирует идея согласования (фонемы с фонемой, слога со слогом), а во вторых – идея подчинения. Последняя тесно связана с европейским типом мышления, с представлением о непримиримой борьбе противоположностей. Языки урало-алтайских народов, в том числе и чувашский, воплощают идею ненасилия, согласования взаимодополняющих компонентов.

Все эти признаки находят выражение в идее «великого синтеза». Она легла в основу чувашской народной музыки (в пентатонику заложена идея согласования и ненасилия), выработала особую тягу чувашей и других народов региона к жанру песни.

Идея равноправия, преобладающая как в языке и речи, так и в традиционной музыке чувашей, полностью соответствует народному духу общинного равноправия. Учет интересов всех

членов общества (вспомним центристскую позицию Н.В. Никольского и его соратников) наиболее близок к чувашскому представлению о взаимоотношениях людей в обществе, о бытии и коэволюции человека и природы.

Итак, идея синтеза присуща народам Урало-Поволжья, заложена в самой природе их языка и культуры, поэтому к ней осознанно или неосознанно обращались во все времена все социально-возрастные группы общества.

Как известно, Ив. Юркиным и М. Арзамасовым, позже Г. Тимофеевым и др. было зафиксировано немало текстов народных песен. Активная деятельность упомянутых писателей вызвана их стремлением проникнуть в душу народа, а сами тексты рассматривались как неиссякаемый источник национально-поэтического творчества.

Но песня – это не только словесный текст. Из-за отсутствия специального музыкального образования писатели-фольклористы последней четверти XIX в. и рубежа веков не могли записать песенные тексты с их уникальными мелодиями.

Первый сборник песенных мелодий был составлен Н.А. Александровым: рукопись «Мотивы чувашских народных песен», представленная в 1890 г. на научно-промышленной выставке (Казань) в качестве экспоната³, содержала всего 23 мелодии, но, к сожалению, все они были без стихотворного текста.

В 1893 г. в «Известиях ОАИЭ при Императорском Казанском университете» была опубликована работа В.А. Мошкова «Мелодии чувашских песен», в которой приведены записи 70 напевов и 7 инструментальных мелодий. Все они изданы также без стихотворного текста⁴.

Лишь в 1908 г. удалось под редакцией И.Я. Яковлева издать песни в полном понимании этого слова – вышли стихотворные тексты с их мелодиями. Ноты всех 96 песен были даны по цифровой системе⁵.

В СЧУШ постоянно проводились музыкально-литературные вечера, в программу которых включались и народные песни. По воспоминаниям бывшего учителя пения, в ней «по почину Яковлева и под непосредственным его покровительством поощрялись светское пение и музыка»⁶. Выпускники ис-

пользовали опыт СЧУШ в дальнейшем в своих начальных школах. В этом плане особый интерес представляет статья Г.И. Комиссарова (Вандера) (1883–1969) в «Казанской газете» за 1905 г. (№ 19), в которой автор делится опытом преподавания музыки и пения. «Поем в церкви и вне церкви, т.е. духовные песнопения и светские песни. Ныне у нас была ёлка. Во время ёлки в продолжение двух часов учащиеся читали и пели. При чем светских песен исполнено более 20 номеров».

Учитель (он же поэт и будущий ученый) радуется за то, чтобы наряду с песнями на русском языке в репертуар входили и народные песни: «Что же касается светского пения в инородческих школах, то вместе с русскими песнями желательно и полезно петь и лучшие инородческие песни, тем более они весьма скоро усваиваются и поются детьми с большим интересом».

Еще будучи учеником СЧУШ, Г. Комиссаров (Вандер) записал в своём дневнике следующую мысль: «Относительно преподавания пения в чувашских школах интересно сделать опыт: ввести в программу обучения пению пение подходящих песен чувашского народа. Это может лучше сохранить связь народных деятелей школы с остальным обществом. Выйдет очень педагогично! Об этом можно даже написать в редакцию «Казанской газеты» или других газет и журналов. 15 мая 1903 г.»⁷.

Смешанный хор СЧУШ, организованный недавним выпускником регентских классов Придворной певческой капеллы в Петербурге, учителем И.М. Дмитриевым, исполнял не только духовные, но и светские песни. Назревала необходимость создания хоровых партитур чувашских народных песен. В 1908 г. И.М. Дмитриев обработал чувашскую хороводную песню «Пиçнĕ-пиçмен сьрлашăн» (Из-за незрелой ягодки). Именно данная гармонизация послужила примером «для пробуждения творческой фантазии музыкально одаренной молодежи в школе»⁸.

Итак, в 1908 г. издается первый сборник чувашских песен с нотами и создается многоголосная хороводная песня для исполнения на сцене. Это были первые ростки чувашского профессионально-музыкального искусства.

Стремление к «великому синтезу» привело к народной

песне марийских и удмуртских деятелей национальной культуры. Марийский ученый и писатель В.М. Васильев в 1908 г. в Казани издал сборник «Марийского народа песни, загадки, сказки» (без нот), а в «Марла календаре» на 1909 г. по цифровой системе опубликовал около 30 песен, представляющих огромный научно-практический интерес. В том же году вышел сборник марийских народных песен А. Аптриева. Тексты сопровождались русским переводом В.М. Васильева, он же написал предисловие к сборнику, которое явилось «первым исследованием по марийскому песенному фольклору»⁹.

Формирование чувашского профессионального изобразительного искусства происходило путем синтеза народного искусства и достижений ведущих школ русского изобразительного искусства. Уже в первых картинах чувашского профессионального художника Г. Кокеля (например, «В чайной». 1909) наблюдается цветовая гамма женского костюма низовых чувашей¹⁰.

Народная вышивка легла в основу чувашского профессионально-прикладного искусства (например, вымпел и адресная папка, вышитые ученицами СЧУШ), а К. Иванов (Кашкыр) весьма профессионально оформил сцену школы в стиле чувашского геометрического орнамента. Данные факты подтверждают положение о том, что формирование профессиональных искусств чувашского народа проходило в тесной их взаимосвязи и путем синтеза форм народного искусства и художественных достижений различных школ русского и мирового искусства. При этом новая профессиональная культура открыла для себя многие основополагающие концепты чувашского мироздания. В те годы самосознание национальной творческой интеллигенции достигло уровня этнокультурной нации. Молодые писатели, артисты, музыканты и художники осознали свою роль в развитии нового направления, открытии новой эры чувашской культуры. Об этом вдохновенно написал ученик СЧУШ Г. Комиссаров (Вандер) после показа на сцене школы «Женитьбы» Гоголя: «...мы (наш выпуск) положили начало храма Мельпомены... мы первый раз начали играть целые произведения драматические... Мы положили новое направление, даже новую эру для чувашской школы. 14 апреля

1903 г.»¹¹.

Подобным образом размышляли многие первые чувашские творческие деятели начала XX в., которые являлись зачастую и основателями новой профессиональной культуры, соответствующей духу и отражающей стремления обновляющегося этноса. В этой новой, синтетической культуре ведущее положение занимала художественная литература, прежде всего письменная поэзия.

2

Исследования показывают, что чувашская народная проза и поэзия в современных условиях не составляют целостной системы, что народная поэзия, являясь субсистемой, наиболее тесно связана с письменной (профессиональной) поэзией: они взаимно дополняются и составляют общую национально-поэтическую систему¹². Это значит, что еще в период своего зарождения письменная поэзия тесно соприкасалась с устной поэзией, питаясь ее живительными соками.

С другой стороны, письменная поэзия выполняла определенную общественно-художественную функцию, своей жанрово-тематической направленностью она выражала интересы национальной интеллигенции того или иного периода, направления. Задачи интеллигенции выдвигаются, как известно, временем, самой действительностью, и от комплекса этих задач зависит отношение творческой интеллигенции и читателей к отдельным компонентам национальной культуры. Следовательно, этноконсолидирующая роль художественной культуры не является постоянной величиной, она переменна и зависит от очередных вызовов эпохи.

Чувашская письменная проза второй половины XIX в. выражала главным образом идею отрицания дохристианских народных традиций, возвышала христианские идеалы и христианскую церковную обрядность. В то же время письменная поэзия, наоборот, утверждала и восхваляла многовековые народные традиции.

Народное творчество, запечатлевшее в конкретно-чувственной форме мысли, чаяния и идеалы его носителей и потребителей, представляло собой особую форму художественно-

го сознания. Творчество чувашских поэтов того времени естественно выросло из стихии народно-художественного сознания, с которой они неразрывно были связаны своим происхождением и условиями существования. В поэзии рубежа веков и начала XX в. обнаруживается новое качество художественного мышления. Образная система и поэтический строй в творчестве чувашских поэтов оставались по преимуществу фольклорными, но отличались осознанным их использованием. Это означало, что эти чувашские поэты открыли для себя художественную категорию национального своеобразия. Ощущение национальной поэтики отразилось и в стихотворных переводах. Так, русская силлабо-тоническая поэзия переводилась на чувашский народными силлабическими стихами, в рамках системы образов устно-поэтического творчества.

В народной прозе такого художественного открытия не произошло, потому что она опиралась на церковно-нравственные ценности и представлялась как нечто прикладное, вторичное по отношению к просветительской идеологии. Прозаические тексты тех лет еще не воспринимались как особая идейно-художественная ценность, в отличие от письменной поэзии. Вот почему в конце XIX в. чувашская литература не являлась целостной системой с присущими ей внутренними закономерностями. Такое понимание функции литературы (прежде всего художественной прозы) лишало ее своеобразия, ограничивало диапазон ее философско-эстетических возможностей.

Обобщая вышесказанное, нужно подчеркнуть, что чувашская письменная поэзия рубежа XIX–XX вв. подключилась к решению национально-культурных задач этноса с этноцентристскими целями. Последние были ориентированы на создание профессиональной культуры этнокультурной нации на основе многовековых народных традиций. В этническом сознании чувашской интеллигенции, в чем убедимся позже, народная песня постепенно превращается в национальный символ. Первоначально данный синтетический жанр олицетворял собой лишь форму поэтического творчества, а в дальнейшем – язык, мысль и другие важнейшие компоненты этноса.

Статистическая систематизация тем и проблем, затрону-

тых в стихотворных произведениях, позволяет выделить ряд закономерностей, тенденций и особенностей динамики развития чувашской поэзии и ее жанров в последней трети XIX – начала XX в.¹³

1. В 70–90-е гг. XIX в. в письменной поэзии преобладает семейно-родственная и национальная тематика, затрагиваются проблемы национального единения, философии, отрицаются пороки отдельных людей. Письменная поэзия постепенно обретает автономию и начинает взаимодействовать с устной поэзией в режиме взаимодополняемости.

2. В 1903–1909 гг. чувашская письменная поэзия разрабатывает главным образом национально-социальную тематику, тем самым нравственно-просветительские и философские проблемы отодвигаются на второй план. На этом фоне менее социальны Г. Кореньков и К. Иванов (Кашкыр), хотя их социальность обнаруживается на уровне содержательной формы. Данное явление указывает на то, что эти два поэта начала XX в. были настоящими мастерами художественного слова.

Картина динамики развития жанров и их разновидностей представляется таким образом:

1. В 70–90-е гг. XIX в. в письменной поэзии впервые появляются такие жанровые разновидности, как интимная, пейзажная, философская лирика, сатирическое стихотворение, басня и поэма. Усиливается струя гражданской лирики.

2. В 1903–1909 гг. на первый план выходит гражданская лирика, появляются новые жанры: трагедия, стихотворная сказка и предание, баллада, литературный пейт (*пейт*). Лишь два поэта (Г. Кореньков и Н. Шубоссинни) развивают пейзажную и философскую лирику и сочиняют сатирические стихотворения.

В чувашской поэзии начала XX в. зарождалась и динамично развивалась поэма с ее разновидностями: поэма-предание, лирическая поэма, публицистическая поэма и т.д. В данный период поэты осваивают реалистический метод, сочетая его с романтическим. Чисто просветительские идеи XIX в. постепенно уступают место философско-нравственному осмыслению мира. Углубляется психологизм, расширяются тематика и проблематика, творчески воплощается поэтический опыт русской и мировой литературы в умелом сочетании с

традициями народной поэзии.

Происходит своеобразный синтез жанров европейской классической литературы (поэзии) и жанров чувашского фольклора. Еще в 80-е гг. XIX в. М. Арзамасов сочинил произведение «Чухӑн сын пуӑнӑҫӗ – хирти мулкач пуӑнӑҫӗ» (Жизнь бедного человека – жизнь полевого зайца) в жанре поэмы-предания (его можно определить и как поэму-небылицку), а М. Федоров свое «Арҫури» (Леший) – в жанре поэмы-бывальщины. «Варуҫси» (Варусси) Я. Турхана (1902) ближе к фольклорному пеиту, чем к европейской поэме. Данное произведение поэта следует рассматривать в жанровой системе чувашской словесности рубежа двух веков и определять как литературный пеит. Сатирико-публицистическая поэма П. Орлова «Уравӑш» (Орауши. 1903) имеет традиционную для восточных дастанов композицию (наличие зачина и эпилога), она сочинена как письмо к земляку поэта. Стихотворные произведения Н. Шубоссинни, К. Иванова (Кашкыра) и других поэтов представляют собой синтез поэтических жанров европейской литературной классики и чувашского устно-поэтического творчества.

3

Первые два-три года нового XX в. являются логическим продолжением прошедших лет и своеобразным переходным периодом от просветительской литературы яковлевской эпохи к литературе нового качества. Перемены наиболее ощутимы в творчестве братьев Турханов (Якова и Хведера). Из их лирики вырисовывается образ чувашского парня, задумавшегося о своем народе, судьбе бедного крестьянина. Он пытается разобраться в противоречиях жизни, сердечно привязан к матери, к любимой девушке. Стихи братьев Турханов полны размышлений о жизни. Чувство горечи вызывают у лирического героя царящие вокруг угнетение и неравноправие людей, социальная несправедливость, всякого рода обман. Основу мировоззрения этих поэтов составляли общегуманистические просветительские взгляды, что получило выражение в содержании их поэзии. В стихах братьев Турханов легко разглядеть рационалистические установки просветителей на утверждение добра и

осуждение зла. Данная идея раскрывается через соответствующую художественную форму – систему образов, поэтические средства, структуру и композицию произведений. Лирический герой, как правило, положительный – человек честный, добрый, отзывчивый. Хотя он и не занимает активную жизненную позицию, но подает пример гуманного отношения к людям. Братья Турханы, рисуя картину безрадостной жизни бедняка, акцентируют внимание на душевном состоянии героя, на его восприятии внешнего мира.

Эпические традиции своих предшественников продолжил Якку (*Яков Васильевич Турхан* (1874–1938)). Наряду с лирическими стихотворениями поэт сочинил басню «Ухмахӑн хуйхи» (Несчастье глупца), в которой осмеял нерадивого крестьянина, в состоянии ярости убившего свою лошадь. Став свидетелем этой сцены, черный ворон изрек следующие назидательные слова:

Эй, умах пичей ёсе сыпӑнӑн!
Сан кутӑнтан вара ёс пулас-и?
Лаша тавраш санӑн ёсӑ мар вӑл,
Сана лашасӑр пурӑнни таси...

«Эх, глупый брат за дело взялся! // Разве упрямство ему помощник? // Лошадь не для таких, как ты, людей. // Лучше без лошади – избежишь греха». (Подстрочный перевод здесь и далее, кроме особо оговоренных, наш. – *В.Р.*)

По мнению автора, любое чувство необходимо уметь смирять и сдерживать. Такое понимание типично для сентиментальной литературы. Если у романтического героя «ум с сердцем не в ладу», то герой сентиментальной литературы их примиряет.

Я. Турхан перевел ряд лирических произведений А. Пушкина, в том числе и «Романс» со следующим сюжетом. Девушка ночью идет по осеннему лесу, в ее руках незаконнорожденный сын, к которому обращен монолог. Переводчик несколько сократил речь матери младенца, так как в ином случае в тексте преваляло бы лирическое начало. В тексте перевода акцент перемещен на нравственный аспект темы «мать и дитя», а читая оригинал, переживаешь за обманутую девушку, которая, несмотря ни на что, любит своего «незавенного», «милого предателя».

Данное лирическое произведение привлекло внимание

поэта прежде всего потому, что многими чертами оно напоминает жанр чувашской словесности пеит. Именно по этой причине Я. Турхан перевел пушкинский текст на свой лад (сократил две строфы, убрал имя героини и упоминания о парне-предателе и т.д.), изменил интонацию и усилил сюжетность текста.

В лиро-эпическом произведении Я. Турхана «Варусси» (Варусси. 1902) правдиво показано бесправное положение девушки, которая не могла строить жизнь по своему желанию и полностью зависела от воли алчных родителей, мечтающих породниться с богачом. Данный мотив лежит в основе многих текстов жанра пеит, в том числе и варианта, записанного М. Арзамасовым¹⁴. Естественно, Я. Турхан знал их хорошо. Обобщая все варианты, поэт сочинил вполне оригинальное произведение, которое М. Сироткиным было названо поэмой. Красавица по имени Варусси любит молодого Ванюка и пользуется ответным расположением. Отказ родителей девушки выдать дочь за бедняка вызывает глубокий душевный надлом у Ванюка и Варусси. Женившись по настоянию родителей на нелюбимой девушке, Ванюк умирает от тоски по Варусси. Потрясенная смертью любимого человека, несчастная Варусси кончает жизнь самоубийством: бросается в реку Урюм.

Я. Турхан здесь придерживается традиционной сюжетной канвы и композиции широко распространенного в начале XX в. пеита о несчастной девушке. В тот период у чувашских поэтов преобладало жанровое (фольклорно-коллективное, а не индивидуально-творческое) мышление.

Три четверти текста «Варусси» состоят из монолога. В народных пеитах повествующие части имеют прозаическую форму. Хотя в «Варусси» таких строк мало (одна четвертая часть), все они рифмованы и имеют силлабический ритмический рисунок (4 слога + 3 слога). Перед монологом Варусси описываются следующие времена года: осень, середина лета, вторая осень. Первые две картины изображают молодежные посиделки осенью и весенне-летние хороводы. Последнее действие происходит осенью в ночь полнолуния. Вот в речном тумане появляется силуэт человека. Женщина начинает причитать. Далее читатель (зритель) узнает, что она и есть несчаст-

ная Варусси, которая решилась на отчаянный шаг.

Произведение имеет традиционный для данного жанра эпилог, в котором рассказывается о событиях следующего дня: под вечер приезжают из волостной конторы, находят труп девушки, собирают сельский сход, допрашивают свидетелей...

Здесь образ повествователя выражен не так отчетливо, как, например, в произведении М. Федорова «Леший». В этом отношении «Варусси» ближе стоит, как уже было отмечено, к народным пеитам. Отличительной особенностью можно считать стихотворную форму повествовательной (немонологической) части. Но в пеитах о войне встречается и стихотворное повествование. Поэтому есть основание не согласиться с мнением М. Сироткина и других исследователей, которые относят «Варусси» к жанру поэмы. «Варусси» Я. Турхана – оригинальный жанр чувашской письменной поэзии, который, объединяя элементы европейской поэмы и чувашской сюжетной песни, образует синтезированный жанр – литературный пеит.

Общая картина динамики тем, мотивов и концептов складывается из динамики творчества отдельных поэтов. Поэтому весьма важно проследить эволюцию творчества отдельных мастеров поэтического слова.

Как уже было отмечено, Якку и Хведер Турханы начали сочинять стихотворения к концу XIX в. Еще в то время Я. Турхан обратился к таким основным концептам чувашского народа, как «анне» (мать), «юрӑ» (песня), «тӑван» (родня) и др. В стихотворении «Анне» (Мать. 1897–1898) поэт рисует мать прежде всего как защитницу: она страдает во время болезни своего ребенка, всеми силами старается помочь ему и подобна ласточке, заботящейся о своих птенчиках. Стихотворение «Чӑрем ыратни» (Боль сердца. 1897) – о песне сердца, которая зажигает другие сердца.

Сапла эсӗ тӑрӑс сӑмахупа
Этем ирсӑрлӑхне кӑтартӑтӑн,
Этем ирсӑрлӑхне кӑтартсассӑн
Сан ҫине этем хурт пек сӑрӑнӑ.

«Таким образом ты своим праведным словом // Людей безобразность обличил бы. // Когда людей безобразность обличишь, // Тебя люди, как рой пчел, окружили бы».

В данном произведении впервые обнаруживается мотив

праведного слова, которое звучит как песня сердца. Стихотворения «Мёншён эсё, самрăк тăванăм...» (Почему ты, молодой мой родич. 1899) и «Мёншён, куккук, хăва тёминче...» (Почему, кукушка, в ивняке. 1899) обозначены поэтом как романсы. Лирический субъект задается вопросом: почему молодой родич ходит по полю с поникшей головой? «Ты своего горя мне не поведаешь, // А я расспросить о нем не смею», – завершает поэт свое стихотворение.

Здесь Я. Турхан пишет намеками, но читатель догадывается о причинах грусти молодого крестьянина: у него неладно либо в хозяйстве («Санан лаша ўксе вилчѣ-и?» – «Может, пала твоя лошадь?»), либо в личной жизни. Ответ на вопрос можно найти и в другом романсе:

Мёншён эсё, пирён сут тѣнче,
Пѣр уяртса, пѣр сѣлпе улатан?

«Почему же ты, наша природа, // То сияешь, то воешь ветром?»

Лирического субъекта волнует, по-видимому, переменчивость не только природы, но и человеческого счастья. В 1901 г. в творчестве Я. Турхана впервые появляется тема родного языка и его значения в жизни чуваша. В стихотворении «Каҫхи чан ҫапни» (Вечерний звон. 1901) лирический субъект переживает за судьбы чувашского языка, песни и традиционной культуры. Он выступает против официальной русификаторской политики:

Чăваш чѣлхи пѣтсессѣн
Мѣн ырлăх пулѣ чăваша?
Чăваш сăвви пѣтсессѣн
Мѣн юлѣ вара юрлама?
Чăваш вырăс пулсассан
Вырăссемех калѣҫѣ:
«Чăваш аҫлă пулсассан
Вѣсем вырăса тухмѣҫѣ».
Пилсѣр вырăс саванѣ,
Унна чѣрине пусарѣ.

«Если чувашский язык исчезнет, // То какая благодать будет чувашу? // Чувашская песня если исчезнет, // То что останется ему петь? // Если обрусится чуваш, // Русские же скажут: // «Был бы чуваш умным, // Он бы [никогда] не русел». // Неблагодарный русский радовался бы, // Этим свое сердце

успокоил бы».

Далее мысль лирического героя конкретизируется: если чуваш забудет свою песню, то в чем он найдет утешение? Песня, исполняемая чувашом, выражает его ум и душу, наводит на воспоминания о минувшем и заставляет горестно рыдать.

Данное стихотворение отражает настроения чувашской интеллигенции общенационально-центристского направления, к которому принадлежали Н. Никольский и целая плеяда его единомышленников. Борьба за родной язык и народную культуру привела их к противодействию политике просветителей-обрусителей XIX в. (Н. Ильминского, частично и И. Яковлева), хотя они против названных деятелей публично никогда не выступали, как не выступали и против чувашей левого крыла (кроме оценок в личных письмах).

Через год поэт обратился и к социальному концепту «ситмен пурнăҫ» (жизнь бедственная), который достаточно глубоко разработан М. Федоровым еще в 80-е гг. XIX в. (поэма «Леший». 1884). Лирический герой стихотворения «Тырă акакан» (Сеятель. 1902) глубоко переживает за мальцов, которые могут остаться без своего кормильца. Язык обывателей очень зол, они не поймут душу отца, заботящегося о благополучии своих детей. Сеятель вздыхает произвольно возникшим возгласом: «Ах, пурнăҫан ситменни!» (Ах, жизнь бедственная!).

Данный социальный мотив сближает Я. Турхана с поэтами левого крыла. Но, как известно, социальные проблемы не были чужды и поэтам с центристскими взглядами.

Итак, в поэзии Я. Турхана возрастает интерес к социальной проблематике. Если в переводах он раньше старался избегать этой темы, то в 1902 г. посвятил ей ряд произведений, тем самым показав свою возросшую общественную активность.

Динамика тем, мотивов и концептов в творчестве *Хведера (Федора Васильевича) Турхана* (1876–1932) несколько иная. Он оригинальный пейзажист, в его лирике нет морали и нравочучений. Как и Якку, Хведер привязан к природе: разговаривает с птицами, деревьями, бурей и другими стихиями. Но Хведер больше, чем его брат, философ. Описываемые им явления природы переносятся на человеческую жизнь и невольно приводят

читателя к серьезным выводам, а чаще всего к вопросу «почему». Таким образом пейзажная лирика, синтезируясь с медитацией, создает философскую лирику, имеющую свои корни в песенном фольклоре. Именно интерес и любовь к песне в творчестве Х. Турхана способствовали синтезу медитативного и природно-анимистического начал.

Лирический герой стихотворения «Ләпкә тәман вәснә чух...» (Когда поднимется легкая метелица. 1902) приходит к такому заключению:

Тётгём халәх хушшинче
Вәл пәлханса тәнә чух
Әслә сыннан пуҗәнче
Хуйхәллә сән паләрәть.
Пёр усәсәр ёмёре
Мён пурәнма пахи пур?
Тётгём пуҗпа чёре
Шухәш вилё: тёнче кур.

«Среди темного народа, // Когда он бунтует (неспокоен), // В голове умного человека // Печальные образы возникают. // В бесцельно прожитой жизни // Какая есть польза? // В темной голове и пустом сердце // Мысль мертва: смотри мир».

Поэт утверждает, что жизнь невежественного, необразованного человека пуста, бесцветна и бессмысленна. Но и умному не много радости: его лицо бледно от тревожных дум и предчувствий. («Ырә шухәш пуҗра чух // Умра хуйхә курәнё»).

Стихотворение «Пуян хавас мён-ши вәл?...» (Что такое радость от богатства. 1902) посвящено проблеме взаимоотношений людей в обществе. «Почему мир безрадостен? Есть ли то, чего не хватает ему?» – вопрошает лирический субъект и тут же находит ответ: «Мир не принимает добро. // Неужели ему надобно только зло?»

Душа доброго человека переполняется жалостью и любовью, а в злом человеке живут неблагодарность и зависть. Произведение завершается строками:

Хәрәк юман варринче
Тавәллә кун хәрушә;
Усал халәх хушшинче
Ләпкә кунах хәрушә.

«В дупле высохшего дуба // В непогоду (во время бури) быть опасно; //

Среди злых людей // В спокойные дни [и то] опасно».

Для художественного мира Х. Турхана характерен образ бури (*tăvâl*, *хура tăvâl*), который символизирует жизненные трудности и невзгоды. Очевидно, данный мотив возник не без влияния творчества М. Лермонтова, которому чувашский поэт посвятил стихотворение «Лермонтован вилёмё» (Смерть Лермонтова. 1898). Там он первым в чувашской литературе дал интерпретацию концепта «поэт и мир» (поэт как жертва злой толпы).

У Х. Турхана сохранилось одно стихотворение без концовки (есть версия, что финальные строки были вычеркнуты автором из цензурных соображений). Называется оно «Тискер вăхăт» (Страшное время. 1902). Лирический герой сетует на трудности в жизни, которые заставляют пылать без огня душу молодого человека. Он оглушен ударом «черных слов» (*хура сăмах*), над его головой острый меч (*çутă хёçё*), под ногами белое полотно (*çутă нир*), а впереди кружится столб пыли.

Манан хăлхам умёнчен
Хура сăмах сассине
Кам хёрхенсе кам сирё?
Манан пуçам тёлёнчен
Çутă хёçё аврине <...>

«От моих ушей // Глас «черного слова» // Кто, пожалев меня, уберет? // У моей головы // Острого меча рукоятку <...>».

Очевидно, пропущенная строка должны была повторить третью: «Кам хёрхенсе кам сирё?» (Кто, пожалев меня, уберет?). Если меч надо убрать, т.е. отнять силой, то невольно возникает вопрос: у кого отнять? Двусмысленность и недосказанность в стихотворении подстраховывают поэта от лишних неприятностей. Но само название стихотворения намекает на политизированный характер содержания¹⁵.

Итак, динамика мотивов и концептов в творчестве Х. Турхана имеет некоторую особенность. В 1903 г. поэта больше всего волнуют проблемы окружающей действительности, реалий «страшного времени». Герой незащищен, но и весь «темный народ» неспокоен. Просвещенный герой бледнеет от предчувствия приближающихся грозных событий.

Братья Турханы развивали свое мастерство на основе дос-

тижений М. Федорова и М. Арзамасова. Все они в той или иной степени связаны с Казанской учительской семинарией и главным ее чувашеведом – Н.И. Ашмариним. Благодаря этой преемственности чувашская лирика рубежа веков достигла значительных высот, в особенности в области медитативного направления.

В 1901 г. сложилось второе литературное сообщество, которое опиралось больше всего на традиции русской поэзии золотого века, а также на сатиру и юмор И. Крылова. «Осенью 1901 года мы в своем классе начали издавать два журнала: «Компания юных пиитов» (по инициативе Гаврила Коренькова) и «Сотрудники» (по инициативе Петра Григорьева), – пишет Г. Комиссаров (Вандер) в автобиографических записках. – Первый журнал был юмористический и был типа летучей газеты»¹⁶.

Сначала «пииты» СЧУШ упражнялись в сочинении стихов на русском языке, а с 1901 г. начали писать и на родном языке – «в результате появления любви и интереса к народному творчеству» (Там же). Например, к весне 1901 г. у *Гурия Ивановича Комиссарова (Вандера)* (1883–1969) было уже 12 стихотворений. И *Гаврил Алексеевич Кореньков (Керинкке Кевёрли)* (1884–1949) свое творчество начал с русскоязычных стихотворений и переводов басен И. Крылова на чувашский язык. Его карманной книгой был сборник стихотворений Т. Шевченко издания 1901 г.¹⁷

Увлекался поэзией и другой сокурсник Г. Комиссарова (Вандера) – *Роман Иванович Иванов* (1887 – после 30-х гг. XX в.), который сочинял неплохие стихи на русском языке. Одной из основных тем в творчестве «пиитов» была тема пишущего человека и взаимоотношений с людьми, внешним миром. В стихотворении Р. Иванова «Поэт и муза» (1901) вдохновительница поэзии говорит поэту:

На звонких струнах лиры
Ты будешь нравы воспевать.
И этим самым в людях мира
Ты будешь чувства возбуждать.

Г. Комиссаров (Вандер), не считавший себя поэтом, тоже

«заразился» этой темой. В стихотворении «Другу-поэту (Р.И. Иванову)» (31 марта 1901 г.) он сравнивает поэтический талант с алмазом. Главный интерес лирического героя – поэтическое творчество, поэзия. Стихи для него – знак верности в дружбе, и, как клятва, они вписываются в альбом для дарственных стихов. «Пииты» и обычные письма писали друг другу стихами. Это была пора учебы, оттачивания поэтического мастерства – своего рода пушкинский лицей.

Именно с лицеем, а не с духовно-миссионерским учебным заведением сравнивает Г. Комиссаров (Вандер) СЧУШ («На открытие журнала «Сотрудники». 6 октября 1901 г.»). Хотя «знать» смеется над чувашами, «Но чуваш уже не дремлет, // Открывает он глаза, // Он ученью жадно внемлет, // Понял, что ученье – свет».

Стал для нас Симбирск Афины,
Брег Свяги – наш Парнас:
Здесь растут уж Демосфены
И Гомеры из чуваш.
Догоняем уж Софокла,
Спальню превратив в театр;
Знаем Гете, Фемистокла,
Издаем уже журнал.

Идеи светского просвещения встречаются и в более ранних стихотворениях Г. Комиссарова (Вандера). Например, в произведении «Казань» (15 июня 1900 г.) у него имеется следующая строфа:

Всех милее храм науки –
Белый университет.
Я б учился здесь без скуки,
Если б был и я студент.

В элегии «Зачем, зачем, кручина...» (30 апреля 1902 г.) впервые появляется мотив борьбы, пока еще абстрактной – борьбы с судьбой-кручиной. При этом лирический герой настоятельно просит у судьбы одного – покоя. А в чувашезычных произведениях поэт описывает свой родной край, подражая народным песням, сочиняет стихотворное предание о своей деревне («Патёр ял» – Богатырево). Поэт затрагивает главным образом светско-просветительские проблемы.

Проблемы родного края и деревни волнуют и Г. Корень-

кова, чувашеязычные стихотворения которого сочинены в некотором романтико-идиллическом духе и народно-песенном стиле. А Р. Иванов тему поэта и поэзии развивает дальше:

Как солнце жаркое, с востока
Поднявшись, жжет траву степей,
Так, мантию надев пророка,
Ты горькой правдой жег людей.

(«На юбилей Гоголя». 1902.)

Идеал поэта – не воспевающий нравы людей мастер слова, а зажигающий сердца «горькой правдой».

В том же, 1902 г. Р. Иванов сочинил стихотворение «Парус», название которого напоминает известное произведение М. Лермонтова. В отличие от русского классика, чувашский поэт изобразил «парус в гибельных водах», а лирический герой желает «променять сей мерзкий свет» на привольный путь паруса и «на многи-многи лета убежать от суеты».

Итак, «пииты» СЧУШ шли к чувашской письменной поэзии через открывание себя, через восприятие богатого наследия русской поэтической классики. Хотя многие их стихотворения были в той или иной степени ученическими, но они точно уловили насущные потребности чувашского общества той эпохи. Не случайно же, называя события, достойные войти в летопись СЧУШ 1902 г., Г. Комиссаров (Вандер) делает заключение: «Все это служит, конечно, прогрессу чувашской нации»¹⁸.

4

Следующее двухлетие (1903–1904) для «пиитов» СЧУШ было действительно решающим и поворотным, временем обретения творческой индивидуальности. В частности, окончательно утвердился юмористически-саркастический язык Г. Коренькова. Он перевел «Сказку о рыбаке и рыбке» А. Пушкина, написал стихотворения с мотивом несчастья. В последних поэт умело использовал так называемую «славянскую антитезу»: природа ликует, а лирический герой горюет и тоскует по род-

ному (любимому) человеку: «Весна приносит одним радость, а другим – лишь страдания и горе». Как бы соревнуясь с Х. Турханом, он сочиняет любовные стихи, тем самым обогащает и развивает интимную лирику.

Но главной и объединяющей чертой поэзии «пиитов» данного двухлетия является их недовольство школой и учителями из СЧУШ. Как уже было упомянуто, Р. Иванов неуместно выступил в «Казанской газете» со статьей против яковлевского литературного языка, тем самым желая расшатать авторитет инспектора СЧУШ. По воспоминаниям Г. Комиссарова (Вандера), 21 апреля 1903 г. их класс написал сочинение на тему «Что дала мне СЧУШ?». Выпускник И. Карапулов написал свою творческую работу в форме негодующей сатиры на преподавателей истории, географии и сельского хозяйства¹⁹.

«Сегодняшняя тема заставила меня заняться анализом своего образования в Чувашской школе, – занес в свой дневник Г. Комиссаров (Вандер) впечатления, полученные от выпускного письменного экзамена по русскому языку. – Но можно ли это воспитание назвать благородным и добросовестным? Вообще школа не сделала для нас того, что должна и могла сделать. Напротив, на каждом шагу почти встречаешь сопротивление свободному развитию. Всеобщая история, логика и педагогика с бесполезным зубрением много повредили развитию... Кто, например, старался о развитии стремления к поэзии и вообще к идеалам? Вздумали представлять «Женитьбу» [Гоголя], встретили отпор и только с большим трудом получили разрешение. Но будет довольно и этого. Досадно то, что ты хочешь любить школу, а у тебя отнимают эту любовь. Да, грустно жить на этом свете!»²⁰

Недовольство учеников-выпускников школой и некоторыми консервативными учителями заставило Г. Коренькова написать в довольно саркастическом духе стихотворение «Ёмёр сана манас сук...» (Век тебя не забыть. 1903)²¹. В нем поэт описывает факты избиения инспектором его и других озорников СЧУШ. А когда грозный «воевода» школы поскользнулся на льду и упал, никто из учеников не поспешил на помощь.

Епле сана манан пуйль,

Епле асран яран пуль!
Сысна яшки пёсәрме
Уқса пёртик пухасһән,
Пирён аша шёветме
Сёрёк хяяр тупасһән,
«Лайах» педагогсене
Иле-иле килеттён,
Ватә тиечуксене
Эрех ёсме чёнеттён.
Калўсёпе илявар,
Плешивыйпа свиновар,
«Хёвелё» те, кучәр та,
«Турецкий» те пур унта!

«Как же тебя забыть, // Как из памяти выбросить! // Денег надо накопить // Себе на мясные щи, // А для нашего желудка // Гнилых огурцов поискать, // «Хороших» педагогов // Приводил ты [в школу], // Старых дьячков // Приглашал пить вино. // Там Калўсё и Илявар, // Плешивый и Свиновар, // И «Солнышко», и Кучер, // И «Турецкий» тоже там»²².

Лирический герой жалуется на учителей, которые не дали ученикам «ума ни на копейку». Здесь выражено желание выпускников получить более глубокое образование, чем получали его в СЧУШ.

В свой дневник Г. Комиссаров (Вандер) 20 апреля 1903 г. внес такую запись: «Наши сочинения взяты к Кочурову, сочинения оканчивающих курс подвергаются поправке того, который сам знает гораздо меньше воспитанников и который слывет за человека-эгоиста, преследующего только свои цели и старающегося уронить С.Я. Князева в глазах Ивана Яковлевича».

Далее выпускник погружается в общее размышление: «Ну, может ли человеческое чувство, человеческая душа снести такое тиранство, такие насмешки насильников, которые считаются воспитателями, педагогами, желают, чтобы воспитанники любили их школу, а между тем думают играть на воспитанниках, как на флейтах, подавляют все благородные чувства и стремления и тираническими действиями выводят их из терпения»²³.

Итак, «пииты» дружно выступили против порядков СЧУШ и ее миссионерской и русификаторской деятельности. По воспоминаниям того же Г. Комиссарова (Вандера), учебная деятельность в ней выходила далеко за рамки официально

утвержденного плана. Например, хотя по плану сельское хозяйство не являлось самостоятельной дисциплиной, в школе изучали его и теоретически, и практически, как в сельскохозяйственной школе. В учебном плане стояло только церковное пение, а школьники учились петь и светские песни. В школе обучали столярному делу и игре на скрипке, устраивались литературно-вокальные вечера.

Требования «пиитов» и их сокурсников демократизировать школьное образование сводились к следующим пунктам: 1. Родной язык в школе должен оставаться главным орудием развития учащихся. 2. Из букваря следует убрать излишние слова и выражения религиозного и монархического содержания. 3. Обогатить литературный язык богатством других диалектов (верхового и средненизового). 4. В школах разучивать лучшие чувашские и русские народные песни. Общее настроение Г. Комиссаров (Вандер) сформулировал так: «Наши чувашки во многом изменились. <...> Сейчас предъявляют свою свободу и оставляют школьные скамейки»²⁴.

Следующей общей темой и проблемой «пиитов» была борьба против отрицателей чувашской культуры, когда, открывая полемику в «Казанской газете», шовинист Н. Мельников вызывающе заявил, что-де «чувашской культуры не бывало и не будет» (13 апреля. № 15). А Г. Комиссаров (Вандер), будто предвидев подобные заявления, еще в начале 1903 г. сочинил стихотворение «Чăваш» (Чуваш), в котором имеются такие строки: «Шанатăп: чăваш пуçĕ // Āспа тухĕ-ха мала» («Я верю: чуваш // Умом выдвинется вперед»), «Āсталăха пĕлнпеле // Хуса çитĕ çынсене» (Совершенство мастерство, // Догонит он других). В стихотворении показаны положительные качества народа: трудолюбие и оптимизм, стремление к знаниям, умения и мастерство. Лирический герой выражает надежду на улучшение жизни чувашей, что позволит им догнать в плане культуры развитые народы.

После окончания СЧУШ поэт намеревался написать более 60 статей и произведений, в том числе по таким проблемам: «45. Диалог (научные беседы). 46. Следует ли нам заниматься литературой? 47. О народных библиотеках. 48. О силе поэзии. 49. Михайло [Ломоносов]. 50. Народный учитель. 51. Природа.

52. Патриотизм и шовинизм. <...> 60. Моя жизнь – на чувашском языке. 61. Почему наши крестьяне переселяются на новые земли (чего недостает нашим крестьянам)»²⁵. Как бы негласно участвуя в дискуссии, Г. Комиссаров (Вандер) показал, что чувашская культура была, есть и, несомненно, будет всегда.

Следующей общей темой «пиитов» является тема войны. Лирический герой стихотворения Г. Комиссарова (Вандера) «По поводу русско-японской войны» (18 марта 1904 г.) удивленно вопрошает:

Зачем народы меж собой воюют,
Оружье друг на друга поднимают?
Зачем один другого вызывает,
Себе на помощь небо призывает?

По представлению лирического героя, в новом веке люди должны жить в мире и быть счастливыми. В обществе без войн должны процветать искусства и науки, власти должны заботиться о народном благоденствии, «о порядке, всем пригодном».

В стихотворении «Върçă» (Война. 1904) Г. Комиссаров (Вандер) дает войне такую оценку:

Каллех вѣрçă, каллех çапăçу!
Вутра çунать укçа-мул,
Шыв пек юхать тар, куççуль,
Вилѣм юнпа ашкăнать,
Хура халăх ахлатать.

«Опять война, опять бои, // В огне горят богатства, // Потокотом льются пот, слеза, // С кровью балуется смерть, // Стонет черный люд».

Войну поэт видит как бы изнутри. Например, в его дневнике есть такие записи о брате-моряке, воюющем в Порт-Артуре: «Может быть, он давно в числе перешедших жизненную грань. Может быть, почерневший труп его в изуродованном виде валяется среди других таких же трупов и никто не обращает на него внимания, никому убыль этого человека не заметна и не больно. Мало ли кто кого убьет на войне? И вороны преспокойно садятся на трупы и завтракают. Не могу я вообразить лицо брата иначе, как не приписав к нему бледность от постоянной тоски и выражения глубокой грусти»²⁶.

В конце поэт приходит к такому философскому обобщению: все, что теперь люди делают, это не то, что должны делать. Заботы о хлебе насущном – это пустое, временное, самобман. Истинное счастье человека – его умиротворенная добродетелью и очищенная молитвой душа.

Стихотворение «Изменникам России» (1904) Р. Иванов написал с позиций тех патриотов, которые воспевали смерть «за веру, родину, царя». Лирический герой, так же как они, призывает к кровавому мщению:

Востанем! Кликнем! В страх и трепет
Мы приведем своих врагов!
Пусть всяк забудет жалкий лепет
О мире мерзких наглецов.

Тема войны объединяла «пиитов», но их взгляды на жизнь и войну были разными. Уже в 1904 г. Г. Комиссаров (Вандер) начал «клеветь» и размышлять о бедственном положении чувашского народа²⁷. Р. Иванов приближался по своим взглядам к умеренно правым, прежде всего к Т. Кириллову. Лишь Г. Кореньков, оставаясь верным первоначальной программе «пиитов», развивал традиции сатиры и интимной лирики. Только в 1906–1907 гг. он начинает поднимать национальные и социальные вопросы, постепенно вливаясь в левое русло общенационального течения.

К «пиитам» из СЧУШ близок по стилю и духу *Петр Иванович Орлов* (1880–1959), написавший в 1903 г. сатирическо-публицистическую поэму «Ураваш» (Орауши). Эпическое произведение начинается с описания чувашских деревень и чувашского женского монастыря. В общине девушки живут тихой и смиренной жизнью, с добрыми намерениями и делами, она похожа на земной рай.

На фоне священной и святой обители чувашских девушек повествователем выделяется ни для чего не пригодные земли ораушцев. Сельские улицы «беспорядочны и грязны, пруды заполнены навозной жижей». В этом краю по ночам хозяйничают конокрады. Сельский поп денно и ночью ходит пьяным, таскаются по ночам поповский сын и дьячок. Священник встал на путь обмана: он обвенчал сироту Сидора с немой дочкой сель-

ского богача. За это незаконное венчание нагреб немалые деньги. Язык поэта саркастичен, полон иронии и неприязни к служителям церкви. Подобная жизнь началась, как утверждает повествователь, с открытия в селе кабака. Да и волостное начальство издевается над крестьянами. Стали ссориться между собой не только односельчане и соседи, но и кровные родственники.

Разгульная сельская жизнь противопоставлена в произведении жизни монашек в тихом лесном уголке. Постройки здесь двухэтажные, и церковь очень красивая. Выражена тоска автора по былой жизни (без пьяницы-попа и кабака, без угнетающего крестьян волостного начальства и вражды между людьми), саркастическое отношение к окружающей реальности.

Тарас Кириллович Кириллов (1880–1920) начал свой творческий путь примерно в 1903 г., когда работал учителем Шихазанской двухклассной школы. Именно тогда поэт приступил к написанию поэмы «Тырă пулнă çул» (Урожайный год). Фабула эпического произведения несложна: в урожайный год богатый крестьянин Роман собирается женить своего сына – красавца Ивана. Тот называет дяде Уртеми (брату матери) имя своей невесты – Татьян, Солдата Петра дочь-красавица, получившая образование в сельском училище. Вот как рассуждает умница Татьяна:

Ёмёр хыççăн сĕн ёмёр
Суралса иртсе пырать.
Халăх хушши улшăнать,
Хĕрарăм çутта тухать,
Хĕрарăман с'ç вăрăм
Тенĕ сăмах пăчланать,
Хĕрарăм та ĕсĕпе
Арçынпала танлашать,
Хут вĕренсен хĕрача
Çав çынах, ĕсла тухать.

«За веком век // Проходит, рождаясь и умирая. // Жизнь общества меняется, // Женщина тянется к свету, // «Что у нее волос длинен» // Сказ сей изживается, // И женщина своим умом // Наравне с мужчинами, // Если девушка учится, // И она становится образованной».

Поэма завершается свадьбой. Произведение пронизано просветительскими идеями яковлевской эпохи. Идеал грамотной, религиозной и трудолюбивой девушки воплощен в образе

дочери богача из деревни Медвежий Овраг, а идеал трудолюбивого и бережливого, в нравственном отношении чистого парня – в образе Ивана. Его дядя разводит сад и занимается пчеловодством, умело ведет дело. Повествователь убеждает читателя, что молодым предначертано счастливое будущее. «Наша жизнь – море, – говорит Татьяна возлюбленному Ивану о своих мечтах. – Чтобы переплыть это море, // Сяду я с тобою рядом, // И на судне Божеском // Мы поплывем в дальний путь».

В поэтике Т. Кириллова обнаруживаются традиции «ранних семинаристов» (М. Федорова и М. Арзамасова) и братьев Турханов: Якку и Хведера (их общей особенностью является тяга к народной песне). Как известно, в Казанской учительской семинарии учился и Т. Кириллов, который через Н.И. Ашмарина был знаком с творчеством своих предшественников²⁸. Поэтому поэт успешно развивал свое мастерство, при этом проявил особую любовь к эпическому повествованию из отдельных монологов. Данная особенность наблюдается и в его поэме «Пулăшăр» (Помогите. 1904), написанной в связи с возвращением с войны первых раненых солдат.

Это произведение Т. Кириллова в русском переводе было напечатано в статье Н.В. Никольского «Взгляд чувашей на воинскую повинность»²⁹. Перевод осуществлен, очевидно, автором статьи вместе с остальными переводами чувашских рекрутских песен. Переводчик изменил некоторые строки поэта: «российские солдаты» перевел как «русские солдаты», добавил строку «твердыне народа», сократил концовку поэмы. Именно в монологе солдатской вдовы выражается основная идея произведения: «Сердце горит в огне. // Дотоле это продолжится? // Беды-невзгоды навалились, // Отсутствие еды вдобавок. // Пожалев жену солдата, // Подадут ли хлеба на пропитание, // Иль убегут, обвиняя [ее же]? // Сироты мольбу // Народа уши услышат ли? // До взросления малышей // Поможет ли кто-либо?»

Никто не поможет бедствующему, кроме него самого. Поэт противоречит сам себе, сказав в начале поэмы: «Нашему благоверному царю // ...Да будет покой и счастье, // Век его да будет длинным, // А его детишки – народ – // Как в гнездышке

да радуются. // Досель счастливый народ // Вовек пусть в счастье живет».

О каком и чем счастье идет речь? Если бы монолог женщины-солдатки был переведен полностью, то читатель сразу уловил бы данное противоречие и неискренность поэта относительно царя и его народа. Известно, что Т. Кириллов был убежденным сторонником монархического строя на основе православия. В стихотворении «Турра манса ан кайър» (Не забывайте Бога. 1904) лирический герой, например, напоминает, что неурожайные годы приходят из-за накопившихся человеческих грехов. В то же время поэт выступал против русификации, за обновление чувашской жизни через школьное образование посредством родного языка.

Итак, в 1903–1904 гг. чувашскую поэзию развивают, главным образом, «пииты» СЧУШ. На фоне общих тем и мотивов в их творчестве обнаруживается некоторое различие во взглядах на отдельные события. В этой «великой тройке» Р. Иванов «правел», а Г. Комиссаров (Вандер) «левел», что хорошо иллюстрируется их стихотворениями и дневниковыми записями тех лет. П. Орлов, как и Г. Комиссаров (Вандер), стал обращаться к социальным проблемам, под влиянием их общего друга К.С. Сергеева, учителя чувашской начальной образовательной школы при Казанской учительской семинарии.

Отдельное течение составляло творчество Т. Кириллова, которое опиралось на поэтические традиции «ранних семинаристов» и братьев Турханов.

5

1905–1906 гг. вошли в историю чувашской общественной мысли прежде всего двумя значительными событиями: изданием первой чувашской газеты («Хыпар», слышится «хыбар», в переводе «Вести») и созданием общенациональной общественной организации (Союз чувашских учителей). Хотя идея основания чувашской периодической печати была в мечтах передовой молодежи еще в конце XIX в. (Ив. Юркин пытался издать национальную газету «Пулхър» – Булгар. 1899 г.), она воплотилась в жизнь лишь после оглашения царского манифе-

ста от 17 октября 1905 г. Все хлопоты по организации и изданию еженедельной газеты «Хыпар» взял на себя Н.В. Никольский, молодой лидер национальной интеллигенции начала XX в. Его идея создания новой национальной культуры на основе этнических концептов и констант, а также наличие целого комплекса научного инструментария ученого, направленного на аргументацию в пользу использования в церквях и школах чувашского языка, способствовали формированию новых конструктов чувашского сознания. Иными словами, научные мысли В.К. Магницкого и его ученика постепенно становились национальными ценностями и легли в основу нового общественного сознания чувашского народа. Так зарождалось общенациональное движение за сохранение и развитие чувашской этнокультурной нации. В нем периодическая печать выполняла объединяющую роль центра и имела большие «центростремительные» силы. Газета являлась более оперативной и демократичной формой управления общенациональным движением, чем авторитарная должность инспектора чувашских школ. Недовольство чувашских пассионариев порядками в СЧУШ и поведением ее инспектора частично было погашено и направлено против врагов чувашского языка и культуры. В защиту родного языка стали выступать не только интеллигенция и церковнослужители, но и, что весьма показательно, представители чувашского крестьянства.

Главной целью редактора являлось, как он вспоминал потом, объединение разновекторных сил народа для создания и развития единой общенациональной культуры на базе чувашского языка и синтеза в ней традиционного и православно-христианского начал. Программа редактора была поддержана братьями Турханами, тройкой «пиитов», Ив. Юркиным и другими творческими деятелями.

Раскол в редакции «Хыпара» произошел в мае 1906 г., когда сотрудники из бывших учеников СЧУШ, исключенных из школы за революционную деятельность, пытались изменить курс газеты путем публикации материалов по политическим и социально-экономическим проблемам. Вскоре на съезде чувашской интеллигенции было принято решение о передаче «Хыпара» в ведение Союза чувашских учителей (СЧУ), о назначении

нового редактора (С. Игнатьев). Началась вторая жизнь газеты, которая постепенно затухла к концу мая 1907 г.³⁰

Итак, 1905–1906 гг. для чувашской творческой интеллигенции были не только временем, богатым общественно-политическими событиями, но и периодом размежевания по отдельным группам и выбора писателями своих жизненных позиций. Так, основная часть чувашских поэтов, в том числе и «пииты», поддерживала программу «Хыпара» Н.В. Никольского и активно сотрудничала с его редакцией. Цели братьев Турханов, просветителя и священника Д. Филимонова и др. были схожими – объединение молодой интеллигенции, в том числе и членов СЧУ, с чувашскими священниками в пользу общенационального развития. Такую политику вел и Н.В. Никольский, новоявленный лидер интеллигенции. Но большинство членов СЧУ, в том числе редактор газеты «Хыпар» С. Игнатьев, одновременно выступали против политических устоев в России (с позиции эсеров) и критиковали чувашских священников как приспешников власти и церкви. Борьба «на два фронта» оказалась для них непосильным трудом: газета закрылась из-за финансовых затруднений и ареста сотрудников редакции.

Ситуация в татарском обществе имела свою специфику. Как уже было отмечено, в нем прогрессисты-джадидисты активно наступали на консерваторов-кадимистов, что хорошо отразилось и в поэзии того времени. Наиболее последовательным борцом за прогресс общественно-культурной жизни татарского народа и за народный литературный язык был Г. Тукай.

1903–1904 гг. для Г. Тукая явились периодом ученичества: он овладел техникой аруза, усвоил поэтику «высокого» стиля и изучил жанровую специфику классической восточной и старотатарской поэзии, а также пробовал писать стихи на русском³¹. К концу 1904 г. в произведениях поэта особо выделились две темы. Первая затрагивалась еще просветителями второй половины XIX в. и была характерной для всего творчества Г. Тукая – критика невежества мулл. Вторая тема (критика национальных мелких торговцев) была нова и связана с развитием буржуазного общества. Уже в те годы создалась почва для будущей сатирической поэмы Г. Тукая «Сенной базар, или Новый Кисекбаш».

В мае – июне 1905 г. Г. Тукай полностью охвачен просветительской идеей прогресса, его лирический герой глубоко убежден, что миром правят только знания («В саду знаний»), а журнал на родном языке содействует просвещению и объединению народа («В один из дней Камиль эль-Мотыйги...»).

25 ноября 1905 г. Г. Тукай публикует «Сон мужика» (перевод стихотворения А. Кольцова «Что ты спишь, мужичок?»), в котором находит отражение проблема социального неравенства. В декабре того же года поэт публикует три программных стихотворения. В первом («О свободе») он выражает надежду на Манифест 17 октября:

Равными стали в законе
Татарин, русский и японец;
Белый фартук и зипун
Полную свободу получили.

В русских переводах слово «япон» (японец) почему-то опускалось без каких-либо комментариев. Очевидно, название третьего народа упомянуто здесь не столько ради рифмы, сколько с целью указания причин революции 1905 г. Лирический герой воспевае молодых революционеров, которые ничего не жалели для своего народа. Впервые встречается образ певца нации – *милләтнең былбыллары*.

Уже в следующем стихотворении («Слово друзьям») поэт конкретизирует образ борца за свободу нации – молодые и образованные джигиты. Именно они, а не старые муллы, укажут народу дорогу в рай. В третьем стихотворении («О единстве») акцентирована идея единения нации. Поэт призывает соотечественников к примирению и духовному единению.

Весной 1906 г. Г. Тукай развивает тему борца и певца нации («О перо!», «Пушкину»), чье оружие – родное слово: «О перо, опорой нашей и величем нашим будь, // Пусть исчезнет безвозвратно нищеты и горя путь!» (перевод А. Ахматовой). Лирическое «я» полностью сливается с образом поэта, считающего своим долгом служение добру и правде («Паразитам»): «Мал я, но в борьбе неистов, ибо путь социалистов – // Это и моя дорога, справедливая, прямая» (перевод Р. Морана). В дальнейшем лидера татарской нации Г. Тукай видит только в творческой личности-соловье, подоб-

ном А. Пушкину, М. Лермонтову и Л. Толстому (статья «Национальные чувства»). Как клятва в верности родному народу звучат строки из стихотворения «К нации»:

Ты венец всего земного, ты священен для меня,
Не продам за блага мира свой народ, язык и род.
(Перевод С. Липкина.)

В стихотворении «Самому себе» поэт признается: «Мне счастье татар дороже жизни». Даже в пейзажной лирике запечатлены думы о нации: «Когда, мой бедный народ, придет твоя весна?» («Осень»). А молодую интеллигенцию он призывает идти по пути спасения своей нации («Молодежи, организовавшей литературный вечер»). Здесь уместно вспомнить повесть Г. Исхаки «Исчезновение спустя двести лет» (1902, 1904), в которой данная проблема поставлена впервые во всей ее полноте. Вскоре идея сохранения татарского этноса, развития его языка и культуры для всех крупных писателей начала XX в. стала общенациональной.

В чувашской же поэзии идею сохранения родного языка и объединения во имя языка матери впервые выдвинул, как уже было отмечено, старший из трех братьев-поэтов Якку Турхан. Именно он сравнил чувашскую речь с щебетанием и пением птиц, особенно соловья. Поэт выдвинул судьбоносный для народа вопрос: если исчезнет язык чувашский, какая ему от этого польза? Если исчезнут слова чувашских песен, то что останется петь народу?

Идею Я. Турхана развивали «пииты». Например, Г. Комиссаров (Вандер) был горячим сторонником издания чувашской национальной газеты. «Чуваши в последнее время начали стремиться к образованию. Начали чувствовать потребность читать и писать. Но что они будут читать и писать?» – ставит вопрос молодой учитель в 1904 г. и приходит к выводу о необходимости издания газеты на родном языке³². Язык в понимании прогрессивной творческой интеллигенции – это основа народа и его культуры. Язык должен быть не только орудием первоначального школьного образования, но и основой новой культуры, в том числе периодических изданий (газет, альманахов, журналов, календарей). В назидание творящим литературу на русском языке молодой поэт-семинарист Эндри Турхан, самый младший из пишущих братьев, в ноябре 1905 г. записал в дневник следующие строки: «Друг мой, если ты

когда-нибудь будешь способен написать всесветское сочинение, то напиши сначала на чувашском языке, чтобы потом иностранцы на этой книге, переводимой на другие языки, писали: «С чувашского», и тем прославились бы чувашаи»³³. В стихотворении «Атте-анне халалё» (Благословение родителей. 1905) лирический герой вспоминает слова своего отца, проводившего его в дорогу: «Будь счастливым, будь умным, // Осчастливи старцев, // До смерти оставайся чувашом». Герой обещает быть верным пожеланиям отца: «Какие бы муки мне ни пришлось терпеть, // Честь чуваша не потеряю! // Как бы ни было тяжело, // Народ свой не оставлю!»

«Любящий свой народ человек, кем бы он ни был, будет любить и свой родной язык, его предпочитая и возвышая перед остальными; любить, как душу свою», – размышлял поэт С. Тыванъязем в статье «Пирён чёлхе» (Наш язык. 1906). Он приходит к заключению: «Чуваши, язык свой не забывайте, его не теряйте; его потерявши, мы сами исчезнем (*çухалăпăр*); чувашский народ исчезнет»³⁴.

Итак, к 1906 г. для чувашских писателей идея сохранения чувашского этноса, развития его многофункционального языка и культуры стала общенациональной. Чувашская общественная мысль двигалась в том же направлении и темпе, что и общественное сознание татарской нации начала XX в.

В 1905–1906 гг. особую активность в творческой деятельности проявил Г. Кореньков, который успешно развивал чувашскую интимную лирику в жанре посвящения (*халал*). Поэт умело использует в стихотворениях саркастические приемы выражения чувств лирического субъекта. Развитию и обогащению юмора Г. Коренькова способствовал, как известно, и перевод басен И. Крылова. Уже в 1903–1906 гг. поэт перевел десятки произведений русского баснописца, пять из которых были опубликованы в «Хыпаре» Н.В. Никольского.

В поэме-сказке «Чăвашпа тутар» (Чуваши и татары. 1905) Г. Кореньков в шуточной форме передает содержание общенациональной присказки: «Кто насмехается над чувашом, к тому самому пристанет» (*Чăвашран кулаканнин хайён кутне çыпăçнă тет*). Смекалистый чуваш постоянно одерживает верх над своим приятелем-татарином. Вывод автора таков: чу-

ваш на первый взгляд вроде смирный, но тем, кто над ним захочет потешаться, маху не даст.

В творчестве «пиитов» своеобразно разрабатывается концепт «свой – чужой», главным образом, созданием образа народа-соперника, каким для чувашей в начале XX в. были татарский и русский этносы. Индивидуально-личностное, авторское «я» Г. Коренькова противопоставлено позиции другого человека из той же социально-этнической среды.

Начиная с августа 1906 г. поэт чаще стал обращать свой взор на социальные проблемы. Так, в стихотворении «Тăлăх арăм» (Вдова. 11 августа 1906 г.) лирический герой рассуждает о судьбе овдовевшей женщины такими словами: «Вас на белый свет // Для терпения всех бед послали, наверно; // Длинную суму на шею // Сам Бог повесил, наверно». Стихотворение завершается так:

Хăсан Туррăн сыннисем
Пёр пек пулса ситёс-ши?
Хăсан хутаç сакнисем
Ана майран илёс-ши?

Хăсан халăх сугăлса
Сёнё сула кёрё-ши?
Хăсан пёр пек пурăнса
Хирте пёр пек ёслё-ши?

«Когда же Божьи созданья // Станут все равными? Когда же люди с сумой
// Ее снимут с шеи? // Когда же просвещенный народ // Пойдет по новой дороге?
// Когда в жизни станут равными, // В поле (на работе) станут равными?»

В «Хыпаре» СЧУ (1907. № 1) Г. Кореньков опубликовал данное стихотворение с измененным названием («Хальхи пурнăç» – Современная жизнь), в варианте с более обостренным социальным сознанием лирического «я»: «Ребятишки малы, // А муж в тюрьме. // Муки не стало – // Пыль в закроме. // Была вся надежда // На урожай, – // Не уродилось, // Хоть пропадай. // Что в заём взято, // То съедено, // Что в поле сжато, // За долг пошло. // А день грядущий // Грозит бедой. // Быть в пору нищей, // Идти с сумой». (Перевод М.Я. Сироткина.)

Главная идея стихотворения «Вăрă арăм юрри» (Песня вдовы-воровки. 12 августа 1906 г.) заключается в том, что

жизнь без мужа-кормильца вынуждает несчастную женщину идти на преступление. Через день поэт сочинил стихотворение «Эх, Турăçăм, Турăçăм!..» (О, Боже мой, Боже мой), в котором лирический герой бросает вызов самому Богу: «О, Боже мой, Боже мой! // Есть ли ты, нет ли тебя? // Поругал бы я тебя, // Но нет мочи поругать». Основная причина такого отношения – беззаконие и безнравственность людей, а оттуда и греховность их душ. Был бы лирический герой на месте Бога, он бы навел порядок, восстановил бы справедливость на земле, всех сделал бы равными и сытыми.

В ноябре 1905 г., когда был создан Союз учителей Ядринского уезда на правах филиала Всероссийского союза учителей, Г. Комиссаров (Вандер) сочинил «Учительскую марсельезу» с таким припевом:

Вставай, поднимайся, учитель,
Иди на борьбу за рабочий народ!
Пусть сдастся народу мучитель!
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Из дневниковых записей поэта можно узнать, что учителя в те дни выступали против жёсткого контроля инспекторов, а также против сельских священников и жандармов как преданных властям сыщиков и фикселей³⁵. Лирический герой стихотворения рассуждает так же:

Опекает нас всякий, кто может:
И инспектор, и поп, и жандарм.
Через нас воспитать барин хочет
Обитателей серых казарм.

Поэт призывает мужиков собраться под красным стягом: «И увидят враги исполина. // Затрепещут тогда их сердца. // И сразится с ним рать властелина, // Но кто сможет сломить силача!..»

Совершенно иной образ народа создал третий из бывших «пиитов» – Р. Иванов в стихотворении «Гибель Помпеи» (1906). В нем народ показан грешным, алчным и развратным, заслуживающим горького возмездия гордого Везувия, горы-исполина. Слова, взятые эпиграфом данной исторической были, обращены к современникам: «Аще не покается, вси тако-

жде погибнете». Стихотворение проникнуто антинародными и самодержавно-православными лозунгами, что показывает окончательный отказ Р. Иванова от первоначальных программных установок «пиитов».

Как и Г. Кореньков, Г. Комиссаров (Вандер) сотрудничал и с редакцией «Хыпара» СЧУ. Так, в редактируемом С. Игнатьевым номере (1906. № 37) поэт опубликовал стихотворение «Ял вёсёнке школ ларать» (На краю деревни школа), в котором повествуется об аресте царскими казаками сельского учителя-революционера. Желая утешить плачущих учеников своих, арестованный произносит: «Не плачьте, мои душеньки! // Хотя меня и сажают, // Свершение дела – за вами: // Я давно говорил [о нем], // А вы моим словам внимали». Далее в тексте следуют точки, обозначающие пропуск трех строк, убранных, очевидно, цензором газеты. Думается, там были слова учителя революционного содержания. Из воспоминаний Ф. Павлова можно узнать, что в 1906 г. учителя Икковской школы Н.Ф. Беляева заключили в Цивильскую тюрьму, осудив за революционную деятельность. Он приобщал своих учеников к агитационной работе³⁶. Все эти факты были известны Г. Комиссарову (Вандеру), который смог их отразить в форме поэтического высказывания.

Итак, в 1905–1906 гг. Г. Кореньков и Г. Комиссаров (Вандер) активнее стали развивать мотивы свободы и социальной борьбы, прославлять народ и защищать его интересы. В стихотворении «Товарищу» (1906) последний открыто заявляет, что «счастье – в служенье народу, в борьбе, в праве». В то же время Р. Иванов окончательно отходит от первых двух «пиитов» в сторону «черносотенцев», а также от О. Романова, который не принимал чувашскую народную культуру. Даже Т. Кириллов отстранился от них, был ближе к центру (он понимал значение родного языка и традиционной культуры в новой чувашской жизни). «Хыпар» Н.В. Никольского объединял и тех, кто стоял левее от О. Романова, и радикальных хыпаровцев СЧУ (М. Акимова, Т. Тайыра и др.).

Как уже было отмечено, в «Хыпаре» Н.В. Никольского печатались стихотворения и поэмы Ив. Юркина, Г. Коренькова, Я. Турхана, Г. Комиссарова (Вандера) и Т. Тайыра. Произ-

ведения последних двух поэтов имеют явно выраженный социальный характер. Например, в стихотворении «Суркунне» (Весна. 1906) Г. Комиссарова (Вандера) лирический герой живет в ожидании весны в общественной жизни, которая «согрела бы души людей» и щедростью своей одарила бы всех: «Скорее бы пришла она // И принесла народу свободу. // Остановила бы кровопролитие, // Распространила бы правду!»

Следует иметь в виду, что стихотворение опубликовано в апреле 1906 г. (№ 16), когда газетой руководил Н.В. Никольский. Через три номера редактор опубликовал стихотворение «Сәләһәт» (Спасение) Т. Тайыра (№ 19), в котором также показана горькая доля безработного бедняка. Все же как редактор, так и цензор (Н.И. Ашмарин) не без основания опасались резких революционных выпадов авторов. Они считали, что на политические и социально-экономические темы следует писать солидные статьи и издавать их в виде брошюр или отдельных книг, а газету делать по официально заявленной программе.

Еще при редакторе-издателе Н.В. Никольском начались аресты отдельных номеров газеты. Так, № 23 был изъят из-за одной строки стихотворения Т. Тайыра «Чаплә виләм юрри» (Песнь славной смерти): «Ырләхәра вәрҗса иләр» (Отвоюйте свои блага). Общее направление газеты Н.В. Никольского, которое мобилизовывало «центростремительные» силы нации, объединяло как умеренно левых, так и умеренно правых поэтов и прозаиков. В социально-политическом плане разновекторные действия творческих деятелей Н.В. Никольский аккумулировал в общенациональную энергию во имя наиболее полного и цельного функционирования этноса в условиях бурного развития российского капиталистического сообщества.

Умеренно левые «пииты» через личные связи и общенациональную газету находили свое духовное родство с поэтами-одиночками. Например, студент Уфимской духовной семинарии Петр Туринге посвятил Г. Комиссарову (Вандеру) следующее стихотворение:

Светает, товарищ!..
Работать давай!
Работы усиленной
Требует край...

Работай руками,
Работай умом,
Работай без усталы
Ночью и днем!
Не думай, что труд наш
Бесследно пройдет,
Не бойся, что дум твоих
Мир не поймет.

Лирический герой призывает читателя трудиться с пользой для людей, «сеять» только честные мысли. Произведение навеяно думами о счастье родного народа. Как известно, в 10-е гг. П. Туринге учился в Казанском ветеринарном институте и участвовал в организации союза чувашских студентов, являлся членом подпольной организации социалистического направления. Отсюда становится понятно содержание строк о «труде без усталы» и труднопонимаемых «думах» товарища. Стихотворение начинается с описания утра — шаблонного метафорического образа приближающихся революционных перемен.

Проблемы бедных людей волнуют В. Калаева, Н. Шелеби, Н. Шубоссинни и других молодых поэтов их круга. Наиболее радикальны студент Казанской учительской семинарии Эндри Турхан и корректор типографии, член партии социалистов-революционеров Тимкки Тайыр. Свою творческую деятельность они начинали с переводов русских народных и революционных песен. Э. Турхан сочинил стихотворение из четырнадцати строф, посвященное парижским коммунарам («Париж коммунарьсене». 1905). Он же написал стихотворение «Вăран, хура халăх» (Проснись, черный люд. 1905), в котором открыто выступил против царя и самодержавного строя. Его лирической герой захвачен сказочно-идиллической мечтой: «Царский дворец наполнится кровью, // Свобода, дай свою руку! // Жизнь станет как сказка, // Разгромим же всех врагов!»

Не менее категоричен и *Тимкки Тайыр* (*Тайър Тимкки*, 1889–1917), призывающий читателя к свержению класса эксплуататоров. Например, в стихотворении «Шухăш» (Дума. 1906) поэт приводит монолог бедняка-землепашца, который ходил за сохой, не зная ни сна, ни покоя. Живя в лишениях и нужде, он вечно голодал.

Кругом стоит народный стон,
Кругом и плач, и слезы.
Безбрежный мир слезами полн,
И реки крови льют народы.

Но сытым людям не понять
Людей голодных стона.
Избы холодной не согреть
Тоскливым жаром горя.

Зачем, народ мой трудовой,
Ты эту тяжесть носишь?
Зачем горячею слезой
Сырую землю мочишь?

Довольно мучиться, страдать!
Сбирайтесь воедино!
Всех дармоедов сбросим с плеч,
Чтоб жить без них отныне!

(Перевод М.Я. Сироткина.)

Данное стихотворение поэта было опубликовано в № 46 «Хыпара» СЧУ. В следующем номере печатается его стихотворение «Паян» (Сегодня. 1906), посвященное Рождеству Христову:

Паян пире Ылакан
Христос Турă ҫуралать.
Ана курса тӑракан
Пурте паян савӑнать.

Турӑ, ҫынна юратса
Пире халь те асна ил!
Ӗлӗкхи пек вӗрентсе
Каллех пирӗн пата кил!

«Сегодня наш Спаситель // Бог Христос родится. // Все, кто это видит, // Сегодня радуются. // Боже, любящий человека, // И сейчас вспомни про нас! // Как и в прошлом с [своим] ученьем // Приди же к нам вновь!»

Лирический герой молится за униженный и обездоленный народ (*мӗскӗн халӑх*), его слова, подобно бальзаму на сердце, успокаивают боль.

В советский период приведенные здесь две строфы из стихотворения «Сегодня» умышленно опускались, что создавало искаженное представление о поэте. Да, Т. Тайыр был революционером, но не социал-демократом, а эсером. Он не лю-

бил священников³⁷, а верил в Бога и просил у него помощи. Ведь идеалы христианства и социалистов, как известно, во многом совпадали или мало отличались друг от друга.

В 1905–1906 гг. творчество Т. Тайыра развивалось от чисто просветительского представления (спасение бедного человека) до революционного призыва к уничтожению старого монархического строя («Сёне сұл») – Новый год. Конец декабря 1906 г.):

В ночь под Новый год, друзья,
Соберемся и подумаем
Не о прошлом и былом,
А о том, как жить нам в будущем.
Пусть не станет впредь у нас
Строя старого, прогнившего,
Пусть спадут оковы с нас,
Сотни лет народ томившие.

(Перевод М.Я. Сироткина.)

Следует подчеркнуть, что революционные настроения Э. Турхана и Т. Тайыра пробуждались внешними факторами, оказавшими сильное влияние на часть чувашской творческой интеллигенции периода Первой русской революции. Основная ее масса с точки зрения общенациональных идеалов критиковала молодежь за ее излишнее увлечение социалистическими учениями, которое отвлекало ее от решения непосредственных внутринациональных задач, подталкивало к неизбежной кровавой катастрофе³⁸.

Таким образом, чувашская поэзия 1905–1906 гг. развивалась в условиях, аналогичных тем, которые были в татарской поэзии того же времени. Это способствовало разработке одинаковых тем и мотивов, раскрытию константного значения родного языка, выработке идеи сохранения этноса с его языком и новой культурой. При этом татарская поэтика синтезировала восточные письменные традиции и устные традиции трудового крестьянства. Чувашская же синтезировала, с одной стороны, письменные традиции чувашско-православной и русско-европейской культур, а с другой – тысячелетнее поэтическое богатство чувашского фольклора.

В данное двухлетие произошло ускоренное движение основных концептов, мотивов и тем в стихотворных произведени-

ях в сторону социального и национального содержания. При этом татарская поэзия в лице Г. Тукая активно разрабатывала общенациональную проблематику, чувашская же поэзия оказалась подверженной общероссийским социально-политическим настроениям в ущерб общечувашскому движению. Все это сказалось на динамике и специфике развития национальных литератур последующих периодов.

Главными этническими концептами и мотивами в поэзии становятся родной язык (как основа новой культуры, печати), поэт (как лидер, певец и защитник нации), образы народовсоперников и др. Новые переводы радикально левых поэтов способствовали созданию революционных образов и символов, а также частичному утверждению чувашской силлаботоники. Переводы умеренно левых поэтов осуществлялись главным образом на основе традиционной (силлабической) метрики.

Поэзия стала более индивидуально-личностной и поэтически выразительной. В этом плане больших высот достиг Г. Кореньков, который создал классические образцы чувашской интимной лирики в жанре посвящения (*халал*). Синтетическое мышление национальных творцов значительно сократило время их становления и ученичества, оно усиленно направляло поэтов по пути национального своеобразия и творческой уникальности, а также высокого художественного мастерства.

6

1907–1908 гг. для чувашской поэзии стали периодом полного созревания с присущими ей идейно-эстетическими течениями и литературными школами. Основное течение, условно названное общенационально-центристским, концентрировалось в «Хыпаре» Н.В. Никольского, который весьма дальновидно объявил свою газету беспартийной и общенациональной. В ней печатались, как уже было отмечено, и умеренно правые, и умеренно левые, а нередко и радикально левые (Т. Тайыр, М. Акимов). Последние в 1905 г. были исключены из СЧУШ за активную революционную деятельность, но это не было препятствием для принятия их на работу в редакцию

«Хыпара». Н.В. Никольский ставил общенациональные интересы выше узкопартийных и локально-территориальных (сам редактор принадлежал к верховым, а симбирские «революционеры» – к низовым чувашам).

Первые пять месяцев газета находилась как бы в уравновешенном состоянии. Начиная с июня 1906 г. радикализм сотрудников из СЧУШ усиливается, что доводит до ареста отдельных номеров быстро «левеющей» газеты.

Итак, к 1907 г. в «Хыпаре» выделились два основных течения: общенационально-центристское и радикально левое. В составе первого находились и умеренно левые поэты, которые никогда не забывали о насущных проблемах родной нации. Вторые мыслили категориями социально-классовых учений и не признавали общенациональных интересов. Данная особенность наглядно отразилась и при переводе «Крестьянской марсельезы» на чувашский язык. В оригинале его припев звучит так:

Вставай, подымайся, крестьянский народ!
Иди на господ, люд голодный!
Раздайся клич мести народной!
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Данный припев Т. Тайыр значительно изменил (усилил и конкретизировал его в духе программы эсеров): «За землю, свободу, за насущный хлеб // Пойдем все сражаться с врагом. // За то, что издеваются над нами, // Соберемся с ними воевать». Здесь обнаруживается чисто классовый подход переводчика.

«Крестьянскую марсельезу» переводил и ученик 1 класса СЧУШ К. Иванов (Кашкыр), когда их класс готовился выступить с протестом против преподавателя-шовиниста Д.И. Кочурова³⁹. В его переводе социально-классовый призыв заменен национально-этническим: «Вставайте, подымайтесь, чувашские люди [т.е. народ]! // Начинать воевать, люд голодный! // Народ пусть обиду свою превратит в ярость! // Вперед, вперед, вперед!»

Радикально левые хыпаровцы открыто писали, что черный люд (*хура халӑха*) не спасет ни царь, ни сам Бог (*патша та, Турӑ та ҫӑлӑнӑҫ кӗмӗ*). Т. Тайыр призывал крестьян к смертельной схватке:

Атьӑр, тӑвансем, ан хӑрӑр,

Хамър ҫёршён тӳрӳшар,
Уншӳн ҫапӳҫса вилер.

«Давайте, родные, без страха // За землю свою постоим, // За нее в бою погибнем».

Оправдали ли себя обращения поэтов к мирным крестьянам с призывами брать в руки оружие? Тем более в 1907 г., когда кровавая реакция уже торжествовала и добивала последних свободолюбивых революционеров? Прав был Д.Ф. Филимонов, который просил молодых чувашских социалистов не экспериментировать свои революционные учения на таком малочисленном народе, как чувашский, и не подталкивать его к кровавой катастрофе. Фактически предсказание последовательного ученика И.Я. Яковлева сбылось: вскоре редакцию газеты разгромили, а радикально левых сотрудников, в том числе и Т. Тайыра, отправили в Сибирь.

Но существует и другая правда. Она заключается в том, что накопленный опыт и практика национально-политической самоорганизации чувашской революционной интеллигенции 1905–1907 гг. были успешно применены в 1917–1918 гг., что придало чувашскому национально-освободительному движению невиданную до того времени динамику и весьма высокую сплоченность и организованность⁴⁰.

В 1906–1907 гг. сотрудник «Хыпара» (а с 7 марта 1907 г. – редактор-издатель) В. Иванов (Кривов) привлек к литературно-публицистической деятельности своих земляков, прежде всего учителя и поэта *Сергея Семеновича Тываньялзема* (*Тӳваньялсем*, 1886–1956). Последний в Нижних Тимерсянах (ныне входят в Ульяновскую область) сплотил вокруг себя творческую молодежь, издавал рукописный журнал «Хайхи» (Тот. 1907–1908). В нем размещались переводы революционных песен и произведений А. Кольцова, Т. Шевченко, Г. Тукая и других известных поэтов России. Хотя поэты «Хайхи» писали свои стихи на остросоциальные темы, они не отказывались и от общенациональных целей, признавали роль родного языка и культуры в жизни нации. В этом они сходились с «пиитами» и их ближайшим окружением. В то же время они через своего редактора (С. Тываньялзема) неоднократно заряжались рево-

люционной энергией радикального хыпаровца Т. Тайыра, посетившего тимерсянские края несколько раз.

В своего рода программной статье «Пирён чёлхе» (Наш язык. 1906. № 10) С. Тыванъялзем впервые со всей полнотой раскрывает значение родного языка для народа, находит зависимость будущего состояния нации от процесса функционирования и развития языка. Статья завершается такими оптимистическими словами: «Ан сывăрăр, вăранăр, пирёншĕн те çĕнĕ самана пуçланать, çĕнĕ шурампуç шуралса килет, ирĕклĕх хĕвелĕ хĕрелсе тухать» (Не спите, пробуждайтесь, и для нас новая эпоха начинается, новая заря поднимается, свободы солнце восходит). Статья подписана автором «Хайхи», что указывает на соответствие содержания статьи программе одноименного рукописного журнала тимерсянцев.

В стихотворениях «Мĕн тăвас?» (Что делать? 1907. № 6–7) и «Ялта» (В деревне. 1907. № 6–7) С. Тыванъялзем показывает удручающее положение бедных людей в чувашской деревне. Лирический герой (учитель) переживает за непросвещенных сородичей, не понимающих значения выборов как в разные сельские должности, так и в Учредительное собрание. Надежда лирического героя – его ученики, которые будут много учиться и помогут землякам «выбраться из тьмы» (*тĕттĕмрен тухма*).

Поэт опубликовал стихотворение «Шăпчăк юрри» (Песня соловья. 1907. № 6), имеющее некоторые реминисценции мотивов сказки датского поэта Г.Х. Андерсена «Соловей». В нем птица предвещает узнику будущее: он выйдет на свободу и будет учить своих детей быть добрыми, творить полезные дела. Эти дети вырастут и станут умными, образованными, «злым, глупым и бедным» (*усал, ухмах, суксене*) они будут «помогать душой и богатством» (*чунпа, мулла пулайищ*).

Лирический герой стихотворения «Çитесси» (Будущее. 1907) тоже размышляет о будущей жизни, в которой нет места кровавым войнам, людей там уважают за ум и добрые дела. «Сейчас орудия гремят, // Человеческая кровь льется... // Кровью пропитанная земля // Богатый урожай принесет. // Собирайте те хлеба // Свободные люди выйдут», – с романтической надеждой завершает поэт свое оптимистическое стихотворение.

ние. Здесь вырисовывается образ лирического героя, твердо убежденного в обоснованности кровопролития, надеющегося на получение его плодов.

Стихотворения другого автора журнала «Хайхи», одной из первых чувашских поэтесс *Вас (Ваçça Аниçси, 1893–1976)* по пафосу и своим мотивам близки к произведениям С. Тыванъялзема. Например, образы стихотворения «Ялта» (В деревне. 1907. № 6–7), одноименного со стихотворением последнего: та же бедняцкая изба, плачущий голодный ребенок и его больная мать, которая с нетерпением ждет возвращения мужа из тюрьмы.

В «Хыпаре» (1907. № 12) поэтесса опубликовала стихотворение «Камран пулăшу ыйтас?» (У кого просить помощи?), которое является вольным переводом стихотворения Г. Гейне без названия. Оно привлекло внимание и татарского поэта Г. Тукая. Очевидно, переводчицам была близка основная мысль стихотворения немецкого поэта: не от кого ждать помощи, кроме как от самого себя.

Наиболее объемным и значимым произведением А. Васся по праву считается поэма «Хура халăх» (Черный люд. № 13, 15), в которой поэтесса создала широкую панораму жизни и психологически глубже выразила душу бедняка из чувашского села. Вывод повествователя строго аналитичен и весьма объективен: в том, что страдает бедный народ, виновен не Бог, как привыкли считать, а сами люди: «Эсĕ асаплă пурăнни // Сынсенченех вăл килет!» (Твоя страдальческая жизнь // От людей же вся исходит!).

В другом стихотворении того же времени, но неопубликованном, поэтесса выражает свою скорбь по поводу закрытия первой чувашской газеты («Сутă çăлтăр хăпарĕ-ха...» – Яркая звезда обязательно взойдет). Звезда на ночном небе символизирует газету на родном языке. Народ с нетерпением ждет возвращения яркой звезды, а затем и солнечного утра, которое избавит народ от темноты (*тĕттĕмлĕхрен хăтарĕ*).

К умеренно левым поэтам «Хыпара» СЧУ принадлежали Н. Шелеби (стихотворение «Тав» – Спор. 1907. № 12), Т. Абрамов (стихотворения «Эх! Иртсемĕр çав кунсем...» – Эх, минуйте эти дни. 1907. № 3; «Пирĕн ялта пур пуян...» – В нашем

селе есть богач. 1907. № 10) и другие крестьянские поэты. Они знали жизнь чувашских земледельцев изнутри и всячески стремились улучшить ее, при этом надежду возлагали на деятельность Учредительного собрания.

В 1907 г. «пииты» в «Хыпаре» не печатались, но продолжали творить в духе прежних воззрений и вдохновений. Так, Г. Комиссаров (Вандер) сочинил стихотворение «Крестьянину-бедняку», в котором через диалог лирического героя и обиженного судьбой деревенского бедняка изложены взгляды поэта на действительность. Наступает время пробуждения от сна борца за свободу, который их вместе с другими побитыми нуждой людьми поведет на борьбу. Они будут сражаться за «счастливым новый мир» и «сбросят вниз золотого кумира».

И тогда не будет голых
И голодных бедняков:
Будут все одеты, сыты,
И не будет кулаков.

(10 января 1907 г.)

Надежды поэта на приход новой волны революции-весны и ее победу выражены и в стихотворении «Она придет» (1 января 1908 г.), но в аллегорической форме:

Уйдет, да уйдет вот зима, без сомненья.
Придет к нам с цветами своими Она:
Тогда-то окончится наше томленье,
И будет свобода и радость одна!

Пока поэта волнует больше всего свобода социальная, а не национальная. Но последний мотив в творчестве Г. Комиссарова (Вандера) вызревает в недрах мотива социальной борьбы. Уже в стихотворениях, написанных осенью 1908 г., лирический герой возмущается неравноправным положением «инородцев» при поступлении в высшие школы, пишет о ненависти к ним преподавателей духовной академии («Разочарование». 4 октября 1908 г.). Но лирический герой упорно движется к священной для него цели – получить знания в вузе и развивать науки. Еще в июле 1908 г., будучи выпускником Уфимской духовной семинарии, поэт хлопотал об открытии на своей родине высшей или же средней сельскохозяйственной школы.

«Мы несем все государственные повинности, и, конечно, мы достойны того, чтобы государство к нам пришло с помощью, – с достоинством и аргументированно излагает свою мысль Г. Комиссаров (Вандер). – Нам необходимо встать на ноги, и нужно, чтобы само государство поставило на ноги (мы ведь во времена Грозного были государственными крестьянами). *Мы имеем право желать, чтобы у нас была высшая школа* (курсив наш. – В.Р.) Это не мое только желание, а желание, по крайней мере, всей доброй половины населения»⁴¹.

В 1907 г. идею равенства народов стал развивать другой «пиит» – Г. Кореньков. Из девяти его стихотворений шесть – о проблемах национальной жизни. Например, в стихотворении «Пусра шухаш нумай та...» (Много мыслей в голове. 17 июля 1907 г.) поэт с горечью отмечает, что для пишущих на чувашском языке закрыты все дороги в будущее.

Мён чул пирён саван пек
Аслай сынсем пётеç пуль?
Хай «талантсем» тенё пек,
Мён чул ассем сёреç пуль?

«Сколько же у нас таким образом // Умных людей погибает? // Талантов [подобных Пушкину] // Сколько зря пропадает?»

Национальной теме посвящено и стихотворение «Чăваш» (Чуваш. 19 августа 1907 г.), которое сочинено под впечатлением закрытия первой чувашской газеты «Хыпар». Лирический субъект обращается к сородичу со словами горькой правды: нет у нас ни высших школ, ни театров и пароходов, да и книга наша вот-вот пропадет. «Наши умные головы // Новые книги стали издавать. // На это дело негодные [чуваша] // Даже не обратили свой взор», – возмущен герой. Опять чувашская книга лежит в навозе, а народ надел «темные очки» (*хура куçлаш*). Поэт предостерегает: без улучшения национально-культурной и экономической жизни народу недолго и исчезнуть с лица земли. Поэт ищет пути сохранения чувашского народа.

В конце двухлетия Г. Кореньков опять возвращается к интимной лирике (больше половины стихотворений написано в жанре *халал*), социальное и национальное в его стихах приобретают философскую глубину. В стихотворении «Пурăнăç»

(Жизнь. 20 января 1908 г.) лирический герой жалуется Все-
вышнему на великую несправедливость: лучшая жизнь на земле
достается плохим людям (*партъ усаллисене*).

Эпир хамър ёмёре
Рестанца пек тёрмере
Иртгеретпёр тертленсе, –
Вилер хуть ёмётленсе.

«Мы свой век, // Как арестанты в тюрьме, // Коротаем в нужде, – //
Хоть умирай (И умирать будем) с несбывшейся мечтой».

В 1908 г. усиливается сатирическая струя поэзии: в ряде стихотворений, посвященных знакомым, высмеиваются определенные отрицательные качества или поведение. В отличие от Г. Комиссарова (Вандера), тюрлеминский «пиит» постепенно отходит от национально-этнических тем и мотивов. Данное обстоятельство напрямую связано с усилением гонений на интеллигенцию нерусских народов. Поэты стали переходить от призывно-риторического стиля к внутреннему анализу и философским размышлениям, нередко и к упадническим настроениям.

Подобные изменения происходят и в татарской поэзии. В 1907 г. Г. Тукай активно разрабатывает тему страдания, строки «тяжелеют», наполняясь горечью раздумий о богатстве и бедности («Нищий», «Против золота»), о смысле жизни («В чем сладость?», «Приятелю...» и др.). В стихотворениях «Размышления одного татарского поэта» и «Стихоплету» Г. Тукая звучит мысль о том, что поэт – избранник небес и свободная птица. В другом стихотворении («Утешение») он предвещает приход вождя народа, но фактическим предводителем стал сам Тукай – поэт-трибун, свободолюбивый, гордый и праведный сын татарского народа.

Новой темой в творчестве Г. Тукая 1907 г. становится тема родины и родной земли («Родной земле», «Шурале», «Пара лошадей»), в стихотворении «Не уйдем!» она удачно развернута в жанре политической лирики.

В 1908 г. творчество Г. Тукая продолжает развиваться в том же направлении. Но есть особенности. Поэт полностью переходит к новому литературному языку и как бы отказыва-

ется от классического «высокого» стиля. Теперь ближе для него народная поэзия – песня, которая привела его к любви к народному слову. Именно глазами народных певцов и сказителей, простого люда своей родной земли Г. Тукай видит татарских «сеннобазарцев» и говорит о них языком едкой сатиры в духе критического реализма. В этом плане его поэма «Сенный базар, или Новый Кисекбаш» является непревзойденным образцом совершенства.

От сатирической и реалистической поэзии Г. Тукая значительно отличались стихотворения С. Рамиева – яркого представителя «идеальной» поэзии, Дердеменда, упорно преодолевающего фаталистическую безысходность через приобщение к любви (в этом он весьма сходен с Г. Кореньковым), и других татарских поэтов.

Сопроотивление реакции в татарской поэзии сопровождалось, как отмечал Г. Халит, усилением психологического акцента, окрашиваемого то сурово-реалистическим, то романтическим тонами⁴².

Подобные процессы наблюдаются и в чувашской поэзии 1907–1908 гг.: поэты уходят в себя, их души терзают сомнения. Лишь писатели правого течения не перестают восхвалять самодержца за то, что он всемилостив и позволяет познавать учения праведного Бога (*тёрёс Турра*) с помощью родного языка (Я. Турхан. Стихотворение «Патшалăх юрри» – Гимн). А Т. Кириллов временно расстается с поэзией и начинает усиленно переводить религиозно-миссионерскую и церковную литературу. В эти годы на чувашском парнасе появляются новые поэты, которые стремительно достигают его вершин. А один из них – Константин Иванов (Кашкыр) – своей вулканической гениальностью поднимает чувашскую поэзию до высот великих поэзий народов Востока и Запада.

7

1907–1908 гг. – период максимально возможного подъема чувашской поэзии, время взлета и парения на поэтическом небосклоне гения *Константина Васильевича Иванова (Кашкыра, 1890–1915)*. Его приходу в мир литературы способствовали

многие факторы: геосреда (окружающая природа родины поэта), социальная среда (материальная обеспеченность его родителей), культурная среда (жизнь в СЧУШ), общественно-политическая среда (Первая русская революция 1905–1907 гг. и наступление черной реакции), литературная среда (изучение русской и зарубежной литературной классики, текстов чувашского фольклора и произведений поэтов-хыпаровцев). Поэт с шестнадцати лет приобщился к чувашской национальной идее, нутром своим почувствовал вызовы времени (необходимость создания национальной литературной классики, развития чувашской профессиональной культуры). Для его поэзии подготовили почву сама чувашская действительность 1906–1908 гг., противоречия в семье, в СЧУШ, в российской национальной и общественно-политической жизни. Самым главным, безусловно, является его творческий дар, полученный от Пулех (*Пулӑх*), одаривающего человека при рождении не только судьбой, но и творческими возможностями – «третьим глазом» (*виççемӗш куç*), который, по представлению чувашей, есть только у избранных и находится в задней части головы.

Вспомним некоторые факты биографии и творчества поэта. В начале 1904 г. ученик первого приготовительного класса К. Иванов написал стихотворение о девушке, умершей в молодые годы. Тогда же он подготовил альбом портретов русских писателей, художников и ученых, оформил его своими рисунками. До лета 1906 г. поэт сделал ряд стихотворных переводов с русского на чувашский язык, перевел поэму И.В. Гёте «Рейнеке-лис». Однако все тетради стихотворений и переводов, а также альбом рисунков и портретов сгорели во время пожара (летом 1906 г. сгорел дом отца поэта со всеми постройками).

Лето и осень 1906 г. явились переломными в набирающем высоту творчестве поэта. Во-первых, он вплотную соприкасается с живыми источниками народного поэтического творчества (участие в свадьбе со стороны невесты, запись уникальных текстов заговоров и молитвословий, детальное изучение пантеона чувашских божеств) и собирает бесценный материал для будущих произведений об исконно чувашском мире.

Во-вторых, будущий классик чувашской поэзии начинает умело сочетать общенациональные устремления чувашской

интеллигенции с взглядами умеренно левых хыпаровцев СЧУ (вспомним его вариант перевода «Крестьянской марсельезы» и одновременный интерес к фольклору и истории своего народа и рода, начиная с его основателя Кашкыра (*кашкӑр* – волк)).

В-третьих, будущий классик совершенствует свое мастерство, черпая вдохновение из наследия великих поэтов Востока (Низами) и Запада (В. Шекспира), усиленно изучает теоретические аспекты художественной литературы: особенности поэтического языка, формы воздействия поэта на воображение читателя и т.д.⁴³

Итак, во второй половине 1906 г. происходило становление творческой личности будущего классика, формирование его мировидения и общественно-политических пристрастий и антипатий. Из его творческого плана на новый учебный год, составленного в начале октября 1906 г., видно, что он собирался писать прежде всего в жанрах стихотворной драматургии (стихотворная комедия и трагикомедия) и прозаической саги (история рода и очерк о современных семейных событиях)⁴⁴. При этом трагедия в двух действиях и история семейных событий 1906 г. имеют общее название – «Йывӑр сӗл» (Тяжелая година). Очевидно, в них автор собирался рассказать о проблемах сельчан и всего чувашского народа, а также о пожаре, случившемся летом 1906 г. в с. Слакбаш. В комедии «Эрех» (общее название спиртного напитка: *шурӑ эрех* – водка, *хӗрлӗ эрех* – вино), к началу октября имевшей 600 строк, поднимались, очевидно, нравственные и социальные вопросы, и она в некоторой степени была сходна с произведением С. Тываньялзема «Эрех ёсӗр» (Пейте спиртное)⁴⁵. К сожалению, от вышеназванных произведений сохранились лишь фрагменты – об истории предков поэта.

Следующим событием, несомненно повлиявшим на творчество К. Иванова (Кашкыра), является его активное участие в петиции, поданной учащимися I класса инспектору СЧУШ 10 января 1907 г. Воспитанники-чуваши данного класса потребовали от инспектора увольнения учителя русского языка и заведующего столярной мастерской Д.И. Кочурова по причине «презренного отношения к чувашам» и «неаккуратного отношения к урокам»⁴⁶.

3 марта 1907 г. поэт принимает активное участие в волнениях: ученики СЧУШ отказались от занятий, пели революционные песни, а некоторые из них пытались вывесить на здание школы красный флаг. Через два дня они подали вторую петицию с объявлением бойкота учителю-шовинисту, под ней подписались и воспитанники русского происхождения. 8 марта 1907 г. весь первый класс был отчислен из СЧУШ, и К. Иванов возвращается в отчий дом.

Так завершился кратковременный национально-политический порыв воспитанников СЧУШ. Не случайно он совпал с периодом издания газеты Союза чувашских учителей и активного действия чувашских социалистов-революционеров. Личностные качества К. Иванова (Кашкыра), как и его однокашника-поэта Н. Шубоссинни, сформировались именно в пору подъема и резкого слома чувашского национального и общественно-политического движения и в дальнейшем определяли творческое кредо и художественные установки этих поэтов.

В сентябре того же года уволенные ученики, проявившие себя как мастера чувашского художественного слова, были приняты в СЧУШ в качестве переводчиков. В отличие от ранних «пиитов» СЧУШ, они имели ряд творческих преимуществ (наличие богатого фольклорного литературно-рукописного фонда архива СЧУШ, материалов «Хыпара» Н.В. Никольского и СЧУ, ежегодных номеров чувашского календаря и др.), а также некоторый опыт национально-освободительной борьбы в свете учений и идеалов чувашских эсеров. Реальное наступление черной реакции вынуждало недавних переводчиков революционных песен к разработке новых форм выражения своих сакральных мыслей и взглядов. Именно по этой причине, а не с целью приобщения к более совершенному поэтическому творчеству, «переводчики» СЧУШ обратились к языку и образам фольклора. Это уже не олитературивание сказок, преданий и сюжетных песен-пеитов, что было характерно для ранних «пиитов», а специальное обращение к мотивам и образам народного творчества с целью реализации готового творческого замысла, выражения своих идей и позиций. Это новый уровень фольклоризма, который выше уровня прямых пересказов, переложений и олитературивания народных текстов.

Далее необходимо проследить динамику тем, мотивов и концептов в творчестве К. Иванова (Кашкыра) в аспекте пяти ценностей-первооснов: общественно-социальных и национально-политических; познавательных; материально-практических; нравственных; эстетических⁴⁷. Вполне обоснованно и научно доказана следующая последовательность написания сохранившихся оригинальных произведений поэта: «Шуйттан чури» (Раб дьявола. Конец трагедии не завершен или же утерян), «Икё хёр» (Две дочери. Октябрь 1907 г.), «Тимёр тылă» (Железная мялка. Октябрь – ноябрь 1907 г.), «Выçă аптранăскерсем» (Голодные. 30 декабря 1907 г.), «Тăлăх арăм» (Вдова. Декабрь 1907 г. – январь 1908 г.), «Нарспи» (после «Железной мялки» – в конце января по старому стилю), «Хальхи самана» (Наше время. Октябрь 1908 г.).

«Шуйттан чури» (Раб дьявола) – это своего рода квинтэссенция чувашских общественно-социальных и национально-политических ценностей. С одной стороны, в трагедии изображен общий исторический (без конкретизации эпохи) фон борьбы чувашского народа с внешними врагами (война требует консолидации народа). С другой стороны, вместо того, чтобы защищать родной народ, чуваша-братья занялись мародерством. Из-за денег старший брат убивает младшего и произносит следующий монолог-откровение:

Что мне в жизни нужно было?
Деньги! Деньги! Вот они!
А с деньгами все доступно,
Что сильнее их в наши дни?
Звонким золотом владею,
Я теперь могуч, богат!..
Золотой дворец построю,
Тьму скота я разведу.
И в пирах веселых, шумных
Дней остаток проведу.
Пусть таскаются по войнам
Беспокойные сердца.
Что мне нужно? В жизни всем я
Обеспечен до конца...

(Перевод П. Хузангая.)

Вспомним в «Тăлăх арăм» (Вдова) младшего, седьмого сына, который погибает в жестокой битве с врагами чувашско-

го народа. Герои из «Шуйттан чури» диаметрально противоположны семерым братьям из «Тӓлӓх арӓм», через их поступки выражаются основные представления поэта о ценностях общественно-этнических, о цене достижения власти и народной свободы. К. Иванов (Кашкыр) кардинально меняет традиционное понимание счастья и несчастья. По его убеждению, большего счастья, чем борьба за свободу родного народа, быть не может.

В просветительской литературе категории Правды и Кривды рассматриваются в основном в традиционно-фольклорном варианте. Например, главный герой повести Н. Кедрова «Асӓна-аннӓне хисепле, хӓвнах аван пулӓ» (Чти родителей, тебе же будет хорошо) наказан за то, что в свое время требовал от младшей дочери льстивого обмана и выдал ее замуж без приданого.

В произведении же К. Иванова (Кашкыра) «Икӓ хӓр» (Две дочери) понес наказание не отец, а правдолюбивая младшая дочь. Здесь торжествует не справедливость в фольклорно-просветительском понимании, а несправедливость в отношении честной дочери. Автор в очередной раз констатирует, что Зло в лице Обмана и Лжи сильнее Добра в облике Истины и Честности. В мире торжествуют, по представлению поэта, только первые.

В фольклоре вся обрядовая поэзия в какой-то степени ориентирована на утилитарные ценности. К ним добавляются дидактические рассказы из букварей И.Я. Яковлева, рассказы Ив. Юркина и вся просветительская литература о пользе школьного образования и просвещения.

К. Иванов (Кашкыр) по-иному увидел проблему заботы о хлебе насущном. Человек вынужден преступать моральные запреты, испытывая материальный недостаток. Устами мудрого старика в стихотворении «Высӓ аптранӓскерсем» (Голодные) автор делает философское заключение:

– Так-то вот с ума и сходят
Люди с голоду, мой внук.
Кто на воровство уходит
И убийцей станет вдруг;
Кто, рехнувшись поневоле,
Птиц нечистых потребляет;

Кто, как серый волк средь поля,
С голодухи помирает.

(Перевод П. Хузангая.)

Разного рода преступления и аморальные поступки в обществе совершаются по причине социального несовершенства и неравенства людей. Данная позиция К. Иванова (Кашкыра) полностью совпадает с романтическими идеями чувашской интеллигенции начала XX в. о социальном равноправии и национальной свободе.

Хотя категории Добра и Зла встречаются почти в каждом произведении К. Иванова (Кашкыра), но в балладе «Тимёр тылӑ» (Железная мялка) они заново переосмыслены и подняты на новый философский уровень. Здесь оппозиция «тӑван (родной, свой) – ют (чужой)» позволяет уловить и увидеть новую грань. Оказывается, в гибели нравственно чистого героя виновна не столько противоборствующая сторона, сколько равнодушные к судьбе героя (героини) родственники (данная идея присутствует и в «Нарспи»). Значит, полная свобода личности невозможна без сердечно-родственных взаимоотношений и любви к ближнему (ближним). В просветительской литературе родственная любовь не является необходимой составляющей свободы личности, она связана прежде всего с безмолвной покорностью и робостью, а иногда и смелостью, но только вне родного крова (повесть О. Романова «Хён-хур куракана Турӑ пӑрахмасть» – Страждущего человека Бог не оставляет).

Итак, К. Иванов (Кашкыр) разработал новую концепцию духовно-нравственных взаимоотношений между личностью и ее кровными родственниками. Людей, подобных Чегесь («Тимёр тылӑ») и Нарспи, связывают не кровнородственные отношения, а родство душ (например, Нарспи и маленький Сентти, Нарспи и Сетнер). Свобода личности постепенно разрушает социально-ценностную иерархию традиционного этикета и выстраивает новые отношения, но уже по интересам, убеждениям, вкусам и т.д.

Наиболее развитым жанром чувашского фольклора, выражающим внутренний мир, глубокие переживания отдельной личности, был, очевидно, любовный пеит (*юрату пейӗчӗ*). В этих сюжетных песнях героиня погибает или уходит из жизни по собственной воле из-за безвыходного положения (в наи-

более архаичных текстах ее увозят в столицу в качестве наложницы хана). Так, в поэме «Варуҫси» (Варусси) Я. Турхана Ванюк умирает от тоски и горя по Варусси. Опечаленная и потрясенная смертью любимого человека и несчастной девичьей долей, Варусси бросается в реку.

Очевидно, данный поступок героини не полностью согласуется со взглядами просветителей, но дидактика автора выступает четко: в этой трагедии виноваты прежде всего непросвещенные родители двух молодых людей.

Вспомним также балладу К. Иванова (Кашкыра) «Тәләх арәм» (Вдова). Где-то далеко идет священная война между чувашами и их врагами. В неравном бою погибает самый младший из семи братьев. Узнав о гибели любимого мужа, младшая невестка отправляется на поиски его могилы. У могилы она «горько плачет и рыдает» три дня и три ночи.

На четвертый день подруга,
Взяв три волоса супруга,
Удавилася на них,
Волосинках золотых.

(Перевод П. Хузангая.)

В данной балладе вдова погибшего героя ставит сердечную любовь к супругу выше, чем физическое исчезновение (смерть). Да и сама форма смерти (удавление тремя золотыми волосинками мужа) символизирует священно-сакральное соединение двух верных (народу и друг другу) душ. Они неразлучимы и неразделимы.

Итак, своим творчеством К. Иванов (Кашкыр) охватил все блоки ценностей-первооснов и сумел органично соединить их в универсальной «пятерике»: «Шуйттан чури» (Раб дьявола), «Икё хёр» (Две дочери), «Выҫапа аптранәскерсем» (Голодные), «Тимёр тылә» (Железная мялка) и «Тәләх арәм» (Вдова).

Следующим этапом в творческой деятельности поэта явилось умелое синтезирование традиционно-канонического начала с европейско-динамическим типом образно-поэтического мышления. В результате такого процесса зарождалась и вызревала бессмертная поэма «Нарспи», в которой имеются все

ценности-первоосновы, обновленные в духе свободолобивых и индивидуально-личностных идей начала XX в.

Основные идеи «Нарспи» можно обнаружить и в других произведениях автора. Но для выявления динамики творческого роста поэта от «Железной мялки» до «Нарспи» необходима интерпретация «Вдовы», находящейся как бы между этими двумя произведениями. Следует напомнить читателю, что в балладе «Вдова» поэт воспевает любовь жены к мужу, погибшему на войне с *«сичё ют»* (дословно: «чужие до седьмого колена», т.е. совершенно чужие). Здесь любовь является ценностью большей, чем телесная смерть.

И в «Нарспи» главная героиня уходит в иной мир вслед за любимым Сетнером, и в этом она сходна с женой погибшего на священной войне чуваша. Но Нарспи совершает и другой поступок – убийство своего мужа. Название главы X «Нарспи ёҫё» (буквально с чувашского: «поступок Нарспи») переводят «Преступление Нарспи», хотя в оригинале текста отсутствует оценка данного действия героини.

Следует полагать, что, убив своего мужа, Нарспи опережает события, в ином случае убийцей оказался бы Сетнер – ее любимый (в ту ночь он шел в Хужалгу с намерением убить своего злого врага Тыхтамана). Вначале Нарспи, как и Чегесь, убеждена, что зло можно победить злом же. Только после смерти Сетнера она понимает, что зло неистребимо, так как в мире сохраняется самое большое ЗЛО – *усал тёнче* (злой мир).

Итак, Нарспи становится мужеубийцей с целью предотвращения предписанной Богом судьбы любимого человека – Сетнера. Ради любви она стала и самоубийцей. Поэт ни в коем случае не намерен оправдать убийства, он показывает трагическое противоречие, возникшее между естественным человеческим чувством и предписанием Бога (им предписана несчастная судьба), а также деяниями дьявола (поступками родителей Нарспи, Тыхтамана, воров и др.). К. Иванова (Кашкыра) волновала не абстрактная борьба добра со злом, а судьба Человека, оказавшегося между этими стихийными силами.

В творчестве К. Иванова (Кашкыра) наряду с темой борьбы добра со злом обнаруживаются и другие этнические константные формулы, например, противопоставление молодости

и старости. Положительные персонажи, как правило, люди молодые, они не принимают противоестественного хода событий (погибает в самом расцвете сил муж, сватают героиню за немолодого человека и т.д.). Все фабульные варианты вышеприведенных константных формул сводятся к идее непрерывного продолжения рода (народа) путем воспроизводства здоровых его членов. Молодые (с точки зрения женской потенции) героини чувашским имплицитным (скрытым) сознанием продиктованы как разные ипостаси *Џуратакан Ама* (Воспроизводящей потомство, т.е. Матери).

По-сказочному решает проблему противостояния добра и зла второй «переводчик» СЧУШ – *Николай Васильевич Шубоссинни* (1889–1942), однокашник и друг К. Иванова (Кашкыра). Например, в стихотворной сказке «Хитре Чёкеҫ» (Красавица Чегесь. 1907–1908) жених украденной красавицы Юманкка побеждает черта, упыря, дракона, огнедышащего змея (*вёре ҫёлен*) и освобождает свою невесту из плена (она была украдена злыми силами и спрятана на дне глубокого озера). Здесь погибают семеро колдунов и юмзей от руки самого Шайтана, который обвиняет их в том, что те пошли против него, главного из злых духов. «Когда вы жили, кто вам помогал в ваших делах? – упрекает он своих бывших помощников-колдунов. – От старости погубили себя, забыли, что я сильнее всех вас». В произведении автор утверждает, что люди, связавшиеся с силами зла (Шайтаном), никогда не могут победить своего повелителя. Данное философское положение (малым злом невозможно победить большое зло) принадлежит самому автору стихотворного повествования и как бы входит в диалог с позицией К. Иванова (Кашкыра), утверждавшего, что со злом следует активно бороться, иногда и с помощью недобрых (злых) действий (вспомним, как поступила Нарспи с мужем).

Другая стихотворная сказка (она одновременно является и авторской притчей), на первый взгляд, как бы полностью посвящена идее бессилия людей перед природными злыми духами («*Вёре ҫёлен*» – Огненный змей. 1907–1908). Но здесь обнаруживается и другая мысль: в зло превращаются те люди, которые терпят от других постоянные унижения. В данном произведении Н. Шубоссинни такими являются семеро братьев, раньше тер-

певшие людские издевательства. Продав души дьяволу, теперь они сами издеваются над теми людьми. Спор колдуна с Огненным змеем подспудно напоминает спор Фауста с Мефистофелем из одноименной трагедии И. Гёте. Вообще само произведение, по воспоминаниям Н. Шубоссинни, создавалось под сильным влиянием «Фауста». Но это не вольное переложение или реминисценция, а национальное видение проблем, поставленных в бессмертном творении великого немецкого мыслителя и поэта, достойный диалог с европейской литературной классикой.

Итак, «переводчики» СЧУШ умело синтезировали фольклорно-мифологические представления народа и актуальные для начала XX в. нравственно-этические и философские проблемы. Такой синтез дал для их творчества огромный энергетический потенциал и неиссякаемое вдохновение. Фольклорно-мифологический материал ими был использован для воплощения своих индивидуально-творческих замыслов. Эти поэты вступили в творческий диалог с великими поэтами Востока и Запада, осмысливая общечеловеческие проблемы с учетом своеобразия чувашского быта, бытия и художественно-поэтического сознания.

Особняком стоят произведения «переводчиков», в которых они как бы продолжают традиции писателей просветительского реализма второй половины XIX в. К ним следует отнести короткую поэму К. Иванова (Кашкыра) «Хальхи самана» (Наше время. 1908), поэму Н. Шубоссинни «Янтрак янтравё» (Дурная слава Янтрака. 1908), стихотворения «Хёрёх сул хушши» (В течение сорока лет. 1908), «Хунар çути» (Свет фонаря. 1908) и др. Но не эти произведения с эксплицитно (явно и поверхностно) выраженными просветительскими идеями представляют вершину их творчества. Главными достижениями «переводчиков» СЧУШ, как и всей чувашской поэзии того периода, являются те произведения, в которых имплицитно (глубинно) отражены индивидуально-личностные взгляды и идеи их авторов. Эти великие творцы ведут диалог с другими индивидуальными и национальными мирами, именно они втягивают чувашскую поэзию в мировой художественный процесс, находят для нее определенное место, нишу.

ПРОЗА И ПУБЛИЦИСТИКА

В чувашском художественно-поэтическом сознании издревле выделялись тексты со стихотворной речью, и назывались они *сăвă* «слова песни», «стихотворение»¹. Начиная с М. Федорова (поэма «Арсури» – Леший. 1884) этим фольклорным термином стали обозначать письменные стихотворные тексты, прежде всего стихотворения и поэмы. Прозаические (нестихотворные) тексты в фольклоре особо не разграничивались, а их жанровые термины имели лишь диалектное значение и распространение. Например, жанр «сказка» у верховых и средненизовых чувашей назывался *юмах*, а у низовых – *халап*. Прозаические тексты различались по длине, и, соответственно, сказки и предания (*вăрăм юмах, халап*) четко отделяли от загадок (*кёске* или *тупмалли юмах, халап*) и других коротких (малых) прозаических жанров.

Итак, в чувашской устной традиции не было родового видения и разделения (эпос – лирика – драма) фольклорного текста. Главным образом различались слова песни (*сăвă*), а также длинные и короткие прозаические тексты. В основе такой классификации было наличие или отсутствие стихотворной речи и длина текста.

Чувашская письменная драматургия – художественное явление Новейшего времени, поэтому никого не должно удивлять отсутствие для ее обозначения отдельного термина. В начале 20-х гг. XX в. были попытки внедрения чувашских неологизмов (вместо слова «театр» – *уяв хушĕ* или *вăйĕ сурчĕ*), но они не прижились. При этом следует помнить, что чувашский *уяв* (*вăйĕ*) всегда связан с играми и песнями, а прозаические тексты в нем имеют незначительную роль. Письменное драматургическое произведение опирается прежде всего на прозаические реплики персонажей, т.е. оно, кроме стихотворной трагедии, ближе к жанрам прозы.

1

Чувашская письменная проза формировалась в XIX в., и здесь необходимо вспомнить некоторые моменты истории ее становления. В начале столетия были опубликованы проповеди и поучения А. Алмазова и Н. Базилевского. В частности,

изданием книг «Тӓнлантарса кӓтартмалли библейской поххийӗ ҫинчен» (Наставления о Библейском обществе. СПб, 1819) и «Ачасене христианла вӗрентмелли ҫинчен» (Слово о христианском воспитании детей. СПб., 1820) на чувашском и русском языках эти деятели заложили основы жанров чувашской гомилетики. В текстах выражено, главным образом, неосознанное полуиндивидуальное авторство.

В 30-е гг. XIX в. в чувашской письменной прозе выдвинулся жанр *йомах*, который в переводе В. Вишневого обрел значение русских литературных жанров «история» (сказания) и «повесть». Тогда же был создан уникальный жанр *калаҫусем* (катехизические беседы в форме диалога). Фактически эти термины соответствовали родовым названиям эпоса и драмы.

В те годы в области чувашской ораторской прозы активно работали В. Вишневский и его ученики, тем самым они способствовали становлению чувашской письменной культуры нового типа. Это было осознанное художественно-риторическое единство, в которое входили стили и жанры как литературной прозы и публицистики, так и риторики и гомилетики.

Благодаря творчеству В. Лебедева в чувашской русскоязычной прозе утвердилось предание, бывальщина и цикл рассказов. В его произведениях преобладает жанрово-стилевое мышление, приближенное к индивидуально-авторскому сознанию. А С. Михайлов (Яндуш) своим творчеством создавал жанровую иерархию чувашской неораторской прозы того времени. Традиционный синкретический жанр писатель расщепил на очерки чисто научные и литературно-художественные. В рассказе «Разговор на постоялом дворе» (1859) писателем успешно применена несобственно-прямая речь героев, которая четко отделена от повествования автора-рассказчика. С. Михайлов (Яндуш) окончательно сформировал драматургический жанр *калаҫу* (разговор), разработал поэтику всех разновидностей рассказа, в том числе и историко-биографического («Злополучный сын», 1860). Жанровое мышление С. Михайлова (Яндуша) постепенно переросло в

индивидуально-авторское, что подтверждается оригинальной поэтикой его рассказов.

Ученики Н.И. Золотницкого заложили основу жанра жития, а затем и автобиографического рассказа. В литературной школе И.Я. Яковлева преобладали коллективные формы творчества, что отражалось и в авторском сознании создателей произведений. Уже в 80-е гг. происходит эволюция образа повествователя, который становится одним из героев рассказа. Многие произведения завершаются народными пословицами и поговорками, а в первой части приводится какой-либо случай или происшествие. Обобщающий вывод строится не на основе формальной логики, а с опорой на так называемую логику прецедента, широко распространенную в мышлении восточных народов. «Яковлевцы» развивали главным образом эпические жанры – от рассказа до повести.

Главным достижением чувашской прозы второй половины XIX в. следует считать творчество Ив. Юркина, которого без сомнения можно назвать основателем чувашезычной художественной прозы. Критикуя «яковлевцев», Ив. Юркин быстро отошел от коллективного неосознанного авторства, на первое место поставил художественный вымысел волшебных сказок (в фантастических повестях «Илья паттър çинчен янă халап» – Предание об Илье-батыре и «Йăлтăртатакан япаласем пурте ылтăн мар» – Не все золото, что блестит. 1888). В последнем произведении автор использовал структуру повести Игн. Иванова «Чăвашсем епле пурăнни» (Как живут чувашаи. 1876), в то же время обогатил стиль повествования длинными монологами героев, в том числе и внутренними.

Ив. Юркина волнует проблема взаимодействия человека и природы. Если гармонию с природой нарушает сам человек, то, как утверждает прозаик, не миновать Божьей кары. Герой Ив. Юркина оказывается перед выбором между Душой (*Чун*) и Богатством (*Мул*), Богом (*Турă*) и Шайтаном (*Шуйттан*). Побеждают те, кто идет по пути, предначертанному Богом, а продавшие души Шайтану умирают неестественной смертью (Петр Петрович из повести «Сыт человек, да глаза голодны», старушка Праски из повести «Богатство», 1889–1890).

Чувашская проза рубежа XIX–XX вв. развивалась в русле просветительского реализма и значительно отличалась от своеобразных повестей и рассказов Ив. Юркина, отца чувашской прозы. Рукописи повестей последнего, хотя и получали разрешение цензоров, оставались в архиве автора: не было денег для издания книг. Но наступил 1900 г., и в Казани отдельной книгой были выпущены сразу две чувашские повести: «Хён-хур куракан сынна Турă пӑрахмасть» (Страждущего человека Бог не оставляет) О. Романова и «Аçăна-аннӗне хисепле, хӑнах аван пулӗ» (Чти своих родителей, самому же будет хорошо) Н. Кедрова. Это было значительным явлением в истории чувашской прозы.

Фабула повести *Осина Григорьевича Романова* (1874–1967) напоминает чувашские сказки о злой мачехе, в которых обычно падчерица проходит тяжелые испытания, терпит много зла от мачехи, но остается невредимой и становится в конце богатой невестой, а мачехина дочь либо погибает, либо лишается приданого.

Главная героиня в повести О. Романова – сиротка Ануш, которую приютил дядя со стороны матери. Здесь в роли жестокой мачехи выступает жена дяди, из-за нее убегает из дома, не выдержав унижений, кроткая и трудолюбивая Ануш. Бедняжке кажется, что за ней гонится злая женщина в образе дикой ночной птицы. Наконец, девушка находит свое счастье: она выходит замуж за богатого крестьянина. Вот резюме повествователя: «Вӑл хӑй пек ӗслӑ сынна качча кайнӑ. Вӑл упӑшкипе килӗштерсе пурӑннӑ. Сынпа нихӑсан та вӑрçман. Пуринчен ытла Ануш тӑлӑх ача-пӑчасене хӗрхеннӗ, вӗсене епле те пулин – укçапа-и е ытти япалапа – пулӑшма тӑрӑшнӑ. Çавӑнпа вӗсене упӑшкипе иккӗшне те Туррӑн пиллӗхӗ, тивлечӗ ситнӗ: вӗсене Турӑ пурлӑх панӑ, ача-пӑча панӑ, ватӑлса ырӑ вилӗмпе вилмелле тунӑ». (Вышла она замуж за такого же умного человека, как и сама. И жили они в согласии друг с другом. С людьми никогда не ругались. Больше всего жалела Ануш детей-сирот, хоть чем-нибудь – деньгами или вещами – старалась им помогать. Поэтому на них обоих снизошла Божья

благодать: Бог дал им достаток, детей, долгую старость и добрую кончину.)

Данное произведение О. Романова можно сравнить с повестью татарского прозаика Р. Фахрутдинова «Асьма, или Деяние и воздаяние» (1903), в которой в чисто просветительском духе освещается тема противоборства добра и зла. Носителями добра в повести выступают главная героиня (Асьма), ее отец и дедушка. Им противопоставлены Хикмек-хаджи, Бикбулат-мулла и другие. Асьма, как и Ануш, рано лишилась родителей, подвергается суровым испытаниям жизни и, наконец, благодаря встрече с добрыми людьми, получает образование, выходит замуж за любимого парня. Так восторжествовало добро, а носители зла строго были наказаны². Эти героини не покорились судьбе, они имеют сильную волю и благодаря этому добиваются в жизни многого.

Образ девушки Ануш сопоставим с образом Кетерин из повести Ив. Юркина «Сыт человек, да глаза голодны». Сходна манера повествования этих двух прозаиков: оба вводят в повествование символические картины и тем самым резко меняют его ход (обвал потолка как знак Божьей кары, пожар как символ смелости и чистоты души героини). Как ни парадоксально, являясь земляками и типологически схожими прозаиками, они в годы революции 1905–1907 гг. относились к разным литературным и общественно-политическим течениям. Ив. Юркин оставался в роли создателя новой чувашской культуры на основе фольклора и ценностей исконной чувашской религии, а О. Романов все больше «правел» и, соответственно, восхвалял самодержавное государство с его официальной религией.

Свою ненависть к чувашским революционерам и обиду на них (из-за них он потерял должность) О. Романов выразил в рецензии на книги Ив. Юркина с разными текстами фольклора: «Издания эти... являются дополнением к освободительным листкам и рассчитаны на развращение нравственности мирных и трудолюбивых чуваш[ей]»³. К чести чувашского патриарха надо сказать, что в данной ситуации он поддержал своего бывшего «ученика-недоучку» и давнего «неприятеля» Ив. Юркина, тем самым рассеял сомнения губернского начальства в его благонадежности⁴.

В 1903 г. О. Романов обработал и издал отдельной книгой литературно-публицистический очерк учителя Д. Архипова о действительных событиях из жизни чувашей-мигрантов в Стамбуле (Константинополе)⁵. Эксплицитной идеей данного произведения, бесспорно, является антимусульманское настроение повествователя-рассказчика, встречавшегося в Стамбуле с «отуреченными» чувашами, уехавшими из Российской империи еще в 60-е гг. XIX в. Не менее значимую и более глубинную, имплицитную идею очерка «Константинопольские чуваша» следует выводить из сцен встречи и расставания его героев. Картины их эмоционально-психологического состояния позволяют читателю непосредственно ощутить и понять переживания человека, оказавшегося вдали от родной земли, вынужденно лишившегося связи со своими корнями, прежде всего с материнским языком. Однажды отказавшись от веры и религии своего народа, нововер (как христианин, так и мусульманин) невольно отчуждается от народной традиционной культуры, национального мировидения и всего «своего народного». Такой духовно-мировоззренческий разлом приводит человека к личной, а народ к национальной трагедии.

Конечно, студенту духовной семинарии и будущему чиновнику Министерства просвещения никогда не приходили в голову подобные мысли, скорее всего, и учителю Д. Архипову тоже. Но реалистически правдивое описание и умение автора ретранслировать свое эмоционально-экспрессивное состояние во времени и пространстве (очерк составлен по личным воспоминаниям учителя-писателя) заложили в глубинные слои талантливо написанного произведения те идеи, которые неожиданно резко актуализируются в современных условиях изменения государственной политики в национальной и конфессиональной сферах. Художественно развитый и национально ориентированный читатель всегда искал и находил в художественной литературе достойные ответы на вызовы времени.

Повесть *Николая Михайловича Кедрова* (1874 – ?) «Аçăнаннĕне хисепле, хăнах аван пулĕ» (Чти своих родителей, самому же будет хорошо) своей фабулой напоминает трагедию У. Шекспира «Король Лир», умело вписанную в чувашскую среду и мир народных характеров. В повести рассказывается о

настоящей (нелицемерной) любви Лисахви к своему отцу Кергури, о последствиях действий персонажей в защиту Правды или в угоду Кривды.

В трагедии английского классика Лир, вымышленный король, завещает свое королевство всем трем дочерям поровну. Однажды старик-родитель пожелал услышать от дочерей слова признательности. Старшие дочери не жалеют пышных и сладких слов, но их чувства к отцу неискренни. Ответ младшей дочери Корделии от сердца и без лести: «К несчастью, не умею // Высказывать вслух. Я вас люблю, // Как долг велит, – не больше и не меньше».

Повесть Н. Кедрова тоже начинается с подобной картины. Но отец чувашских девушек не так горд, как английский король: он отказывается дать младшей дочери ее долю наследства будучи в состоянии алкогольного опьянения. На другой же день отец осудил себя за свой тщеславный поступок, но отказаться от своих несправедливых слов не смог.

Король Лир тщеславен и чрезмерно горд. Такой персонаж в чувашском мире может быть только отрицательным. Образ чувашского крестьянина-отца Н. Кедровым обрисован теплыми и нежными тонами: он богач-работяга, не зарится на дармовое богатство зятьев, по природе своей добр и незлопамятен.

Наличие в обоих произведениях откровения героев в отношении богатого к бедным указывает на то, что чувашский прозаик глубоко воспринял идеи гениального Шекспира и весьма своеобразно изложил их на родном языке и материале. «Я никогда не прислушивался к твоим словам, – признается Кергури своему слуге перед смертью. – Надеялся только на себя самого. Был богат и считал, что нет людей умнее меня, не ведал, что своим богатством я прежде всего обязан преданным мне слугам». Не менее откровенен король Лир:

Богач надменный! Стань на место бедных,
Почувствуй то, что чувствуют они,
И дай им часть от своего избытка
В знак высшей справедливости небес.

В конце шекспировской трагедии погибают все главные персонажи: три дочери и сам король. В повести же умирает

лишь один герой – главный виновник несправедливого распределения наследства. Старшие дочери после смерти отца мучились от стыда и каялись (*пит намӑсланса ӱкӑне пусланӑ*), но было уже поздно.

Самое большое горе для чуваша – не смерть человека, а страдание вследствие содеянного поступка, тяжесть которого, как обычно выражаются чуваша, «давит на сердце, как жернов» (*чӑрене арман чулӑ пек пушать*). Эту особенность хорошо понимал Н. Кедров. Старшие дочери долго страдали и осуждали свое поведение по отношению к отцу. А окружающие их люди хладнокровно рассуждали, что сестры не заслужили счастья и добрых дней, что так и надо им (*сав кирлӑ вӑсене*), неблагодарным и алчным. А Лисахви находит счастье в семье и уважение в народе. Сказочный конец повести продиктован, скорее всего, миропониманием автора и связан с его представлениями о своем потенциальном читателе.

Итак, чувашских прозаиков рубежа веков больше всего волновали проблемы взаимоотношений людей в семье и обществе, они имели просветительские убеждения и взгляды. В плане поэтики прозаики-академисты, в отличие от авторов букварных рассказов, стали чаще обращаться к психологическим приемам и средствам изображения персонажей. В талантливо написанном очерке Д. Архипова лейтмотивом стала проблема родины и родного языка. Но все эти произведения сочинены в духе христианской нравственности и морали, вместе с православно-миссионерской литературой они составляли основной корпус чувашской письменной культуры христианского направления.

В начале XX в. издавались десятки церковно-богослужбных книг на чувашском языке, а также миссионерско-агиографическая литература для чувашских прихожан. В основном книги были переводными, издавались под грифом Православного миссионерского общества в Казани и Симбирске. Особую активность на этом поприще проявили чувашские священники-писатели Д. Филимонов, Г. Кириллов и др.⁶

Другая группа писателей (Ив. Юркин, Г. Тимофеев, П. Васильев и др.) усиленно собирала чувашские фольклорные тексты и противопоставила их официальной церковной и миссионерской литературе.

нерской литературе⁷. Примечателен тот факт, что И.Я. Яковлев и Н.В. Никольский, два лидера чувашского национального движения начала XX в., поддержали деятелей как из первой, так и из второй групп, тем самым они стремились объединить две противоборствующие силы в чувашском общественном движении во имя сохранения энергии и целостности нации.

На рубеже XIX–XX вв. на чувашском языке начали издаваться научно-популярные книги светского содержания, которые вместе с опубликованными текстами устного поэтического творчества направляли новую письменную культуру по пути научного прогресса и возвышения человеческой личности, его творческой инициативы. На этом фоне миссионерско-просветительская литература выглядела консервативной, мешающей прогрессу общества и тормозящей развитию народа.

В начале XX в. у чувашских читателей пробудился интерес к жизни разных народов Российской империи и мира. Так, в 1905 г. в Казани были изданы три книги научно-популярного характера: «Китай», «Върçăпа вӑрçă вӑренни çинчен» (О войне и грамотности) В. Никифорова и «Япония сӗрӗпе Япония çинчен» (О Японии и японцах) Н. Кедрова. В рукописи сохранился вольный перевод А. Курушина (Степанова) книги Ч. Ветринского «Среди латышей» (1901), в которой рассказывается о латышской профессиональной культуре. Начиная с реплики «в сторону» («Наш народ, возможно, и не знает, что такое театр») переводчик повествует о сценическом искусстве и драматургии латышей. Как пишет А. Иванов-Ехвет, данная научно-популярная рукопись, рассказывающая об опыте латышей, по существу «перерастает в программный документ для чувашской интеллигенции»⁸.

Чувашские публицисты напечатали ряд очерков о жизни своих тюркоязычных соседей – татар и башкир, издали брошюру «Тутарсемпе чӑвашем» (Татары и чуваша)⁹. Интерес к другим народам был вызван прежде всего намерением лучше познать себя и родной народ, посмотреть на свою жизнь как бы со стороны, извне. Особую тягу части творческой интеллигенции к жанрам путешествия и хождения следует объяснить этими же причинами.

«Ты хочешь ехать путешествовать. У тебя денег немного, но это не беда», – оптимистически рассуждает Г. Комиссаров (Вандер) в дневниковых записях. Далее он излагает сокровенную мечту: «Вот вы с товарищем в простом одеянии пустились в дорогу». Путешественники едут по Волге вниз и через Каспийское море добираются до Баку и Тифлиса, Крыма. Немного пожив там, они посещают Балканские государства, Палестину, а потом отправляются в Италию...¹⁰

Вечные устремления северянина – совершить путешествие по течению большой реки, посетить южные исторические страны и города, увидеть жизнь больших и малых народов, сопоставить их с миром своих сородичей. Такими сочинениями научно-публицистического характера являются произведения татарского прозаика Ф. Карими («Путешествие по Европе», «Турецкие женщины» и др.), путевые заметки З. Бигиева «Путешествие по Междуречью»¹¹.

Григорий Тимофеевич Тимофеев (1878–1937) является ярким представителем чувашской прозы рубежа XIX–XX вв., который своим уникальным произведением «Тăхăрьял» (Девять деревень) как бы привел к логическому завершению просветительский этап чувашской литературы. Следует заметить, что творческая история книги «Тăхăрьял» – начиная от замысла до его полного воплощения – охватывает 1896–1903 гг.

Первые четыре года можно назвать периодом сбора материала: текстов песен с их напевами, сказок и преданий, обрядового фольклора. Но его сакральная мечта – *ёмёр курман-илтмен Сипир çёрёсенче пурăнакан чăвашем патнелле каяссан туйăнатчĕ* (Казалось мне, что я поеду к чувашам невиданных доселе сибирских земель) – временно не осуществилась. Первоначально И.Я. Яковлев хотел отправить выпускника к оренбургским чувашам, которые проживали по соседству с башкирами-мусульманами, но потом оставил его вместо уволенного учителя Альшеевской сельской школы Буинского уезда.

«Думаю, что наибольшее желание для нас – желание, как только представится случай, пуститься в более или менее значительно развлекательное путешествие, подобного рода поездку, – писал Г. Тимофеев. – Все мы, конечно, убеждены, что

путешествие, а хоть мало-мальски значительная поездка куда [нибудь] для нас, не знаю, как дорогá!»¹²

Вышеприведенные мысли из автобиографических набросков прозаик записал 3 ноября 1900 г. Тогда он еще мечтал о дальних путешествиях, его целью было самолично «увидеть», «услышать», «припомнить» и «записывать»: «Запишет и потом начнет читать по возвращении, с самодовольством рассказывать всем, что давность тебя заберет и на душе у тебя будет легко»¹³.

После ознакомления с «Программой для составления чувашского словаря» Н.И. Ашмарина¹⁴ Г. Тимофеев понял, что неисследованным миром, вполне загадочным для любопытных творческих людей, являются не дальние страны и народы, а чувашский традиционный быт, чувашское миропонимание и устное поэтическое творчество. Первоначально прозаик предполагал написать «родовой роман, по примеру немецких»¹⁵, но потом передумал и в 1901 г. приступил к сочинению произведения «Тăхăрьял». Вместо задуманного романа были написаны две части воспоминаний, объединенные под названием «Хамър чăваш хутлăхенче. Тёрлемес сынни Пăва таврашёнче. Элшел сёршывёнче» (На своей чувашской стороне. Тюрлеминец в Буинском крае. На земле альшеевцев), и часть «Путешествия».

Итак, в 1901–1903 гг. Г. Тимофеев трудился над созданием цельного произведения «Тăхăрьял», которое было составлено из двух частей: «Сёве тăршшёнчи чăвашсем» (Присвияжские чуваша) и «Халăх сăмахлăхё» (Народное словесное творчество). Первую часть традиционно называют этнографическим повествованием (очерком), что не соответствует стилю и языку автора. Если данное произведение сравнить с очерком Игн. Иванова «Чăвашсем» (Чуваши. 1881), то выявляется ряд его особенностей. Прежде всего следует отметить своеобразную вписанность рассказчика в описываемый им мир альшеевских чувашей. Для повествователя чувашский мир весьма разнообразен, и он постоянно сравнивает и сопоставляет их, в результате приходит к определенным выводам. В «Тăхăрьяле» повествователь не столько христианский просветитель, сколько восхищенно-удивленный хорошо сохранившимся традици-

онным бытом альшеевцев их соплеменник. Он вырос и воспитывался в ином крае, в котором уже частично утрачены народные обряды и нет того чувашского духа и той «чувашскости» (*чӑвашлӑх*), которые хорошо сохранились в окружении девяти деревень Буинского уезда.

Повествователь в произведении Г. Тимофеева является прежде всего аналитиком, он постоянно ищет аналогии и своеобразия. В то же время он автобиографичен, органично вписан в хронотоп, то есть в художественное время и пространство. При этом стиль изложения автора неповторим и уникален, а художественный язык – образен, насыщен удивительными пейзажами и картинами из крестьянского быта.

«Тӑхӑрьял» – не этнографический очерк, это произведение художественно-публицистическое, сопоставимое с народной эпопеей и эпосом. В нем изображена духовно-обрядовая и материально-хозяйственная жизнь чувашского народа второй половины XIX – начала XX в. Во второй части достойно представлены образцы чувашского устно-поэтического творчества. Именно они дополнительно подтверждают героико-романтический пафос автора и окончательно убеждают читателя в том, что чувашский мир богат и разнообразен, что главной ценностью народа является его многовековая культура с уникальным и древним языком. Г. Тимофеев создает особый мир чувашско-индивидуального слова и входит в диалог с чувашско-коллективным словом. Жанр произведения «Тӑхӑрьял» прозаик называет *курни-илтни* (увиденное и услышанное), что указывает на своеобразие жанровой системы чувашской прозы того времени.

3

В условиях резкой поляризации общественных сил и многовекторных противостояний в Российской империи начала XX в. национальные проблемы колониальных народов сложно переплелись с социально-политическими, конфессионально-культурными и другими требующими решения вопросами. Все это накладывало свой отпечаток на художественную литературу, в том числе и прозу.

Татарская книгоиздательская деятельность еще с начала XIX в. развивалась в автономном режиме, а к началу XX в. была создана самостоятельная сеть национальной полиграфии и книгопечатания. Татарская буржуазия увидела в этом деле не только конфессиональные интересы, но и экономическую выгоду.

Чувашское книгоиздание полностью подчинялось православно-миссионерским организациям и развивалось во второй половине XIX в. в рамках официальной государственной политики окончательного обрусения «инородцев». В таких условиях чувашская буржуазия всячески стремилась к скорейшему слиянию с русской буржуазией, отказывалась помогать национальной творческой интеллигенции. Так поступил чебоксарский купец П.Е. Ефремов с писателем Ив. Юркиным, желающим издать свои повести и тексты чувашского фольклора. Его многотомные рукописи так и остались лежать в архивах. Лишь в 1907 г. ему удалось за свой счет выпустить пять брошюр с художественными текстами чувашского фольклора. Вторая часть произведения «Тăхăръял» Г. Тимофеева была помещена И.Я. Яковлевым в книгу «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним» (Симбирск, 1908).

Жесткие экономические условия и цензурно-идеологические установки властей (запрет на развитие национальной культуры неправославно-светского направления) вынуждали чувашских писателей выбирать одну из ограниченных форм проявления своего творчества. Первая – писать повести, рассказы, очерки и другие произведения в духе православно-христианских идей и издавать их через Православное миссионерское общество. Вторая – сочинять свои произведения на русском языке с надеждой опубликовать их в русскоязычных изданиях. Третья – писать для близких друзей и единомышленников, для себя (в рамках альбомно-дневниковых и рукописно-журнальных жанров).

Обилие книг и брошюр, написанных по-чувашски и изданных в начале XX в. через Православное миссионерское общество, позволяет говорить о том, что владеющие пером чувашши выбирали в основном первую форму самореализации. Вторую форму творческого самовыражения избрали, как ни

парадоксально, чувашские публицисты-революционеры (Т. Хури, Г. Алюнов и др.), а также деятели общенационального направления. Они выступали через русскоязычную печать и вели борьбу как внутриэтническую (революционеры нападали на И.Я. Яковлева и его сторонников), так и внеэтническую (чувашская интеллигенция единым фронтом выступала против разного ранга чиновников и черносотенцев, защищала родной язык и национальную культуру).

Третья форма самовыражения позволяла писателям раскрыть свои сокровенные идеи, позиции, намерения. Именно в подобных текстах сохранились интимные откровения их составителей. Эти дневниковые записи вписаны в исторический хронотоп, со временем некоторые из них обретали значение цельного художественного произведения автора (вспомним письма М. Сеспеля А.А. Червяковой, которые в наши дни осмысливаются как литературное произведение, предполагающее широкий круг читателей).

Письма всегда ориентированы на адресата, этим они отличаются от записок и дневника. В жанрах записок и дневника важными опознавательными признаками являются периодичность ведения записей и их связь с текущими событиями и настроениями, спонтанный и интимно-исповедальный характер записей. Но в дневнике, как и в письме, события и внутренние переживания автора описываются «по горячим следам», в них ведется хронологически последовательное повествование¹⁶.

Особую историко-литературную ценность представляют дневники Г. Комиссарова (Вандера) 1900–1908 гг.¹⁷, которые содержат не только описание событий его жизни, философские размышления, отражение внутренних переживаний автора, но и стихотворные произведения и рассказы. «Дневники» Г. Комиссарова (Вандера), скорее всего, представляют собой сборник, в котором художественное слово синтезировано со многими другими видами самоописательных и деловых текстов. Они друг от друга неотделимы и обретают цельность на основе реального автора-повествователя и лирического «я».

В записях 1900–1901 гг. преобладает хроника событий: поездка из Симбирска домой, а потом в с. Аликово, встречи, разговоры и т.д. Автора привлекают внешние события, связан-

ные с перемещением (вспомним страсть молодого Г. Тимофеева к путешествиям). Из дневника известно, что в конце октября 1900 г. в СЧУШ был литературный вечер, 27 декабря устроили театр первоклассники, а 31 декабря состоялся класс автора «Дневников». В тот же «последний день первого года XX столетия» Г. Комиссаров (Вандер) со своими друзьями сходил в театр Булычева в Симбирске на постановку «Русская свадьба в XVIII веке». Под впечатлением увиденного «пиит» СЧУШ сочинил свою первую пьесу «Чăваш туйĕ (Ваçук авланни)» [Чувашская свадьба (женитьба Вазюка). 1901].

На уровне подсознания уловил этноконстантный характер главного чувашского обряда – свадьбы (*туй*), символизирующей стремление народа к своему воспроизводству, значит, и к сохранению и развитию своей многовековой культуры и языка.

В 1901 г. начинающий литератор-универсал штудировал теорию стихосложения, захлеб читает произведения классиков русской литературы, составляет свое родословное древо, пишет сочинение о своей родине, конспектирует интересные места из книги М.Н. Раевского «Плодовая школа и плодовый сад», учебника В.Д. Кренке об огородничестве и «Краткого курса естественной истории» К.Ф. Ярошевского¹⁸.

Дневник 1902 г. открывается переводами стихотворений с русского на чувашский язык, имеет такие выходные данные: «Издание автора. С. Богатырево (Ядр. у.). 1902 г.»¹⁹ Далее имеется следующий титульный лист издания автора: «Искусственные чувашские стихотворения Гурия Комиссарова» (с. Богатырево, 1902 г.). Там же нарисован портрет А. Пушкина, обрамленный сказочными цветами и деревьями. Имеются эпитафии на двух языках: «Я памятник воздвиг себе нерукотворный, // К нему не зарастет народной памяти тропа» и «Хамър чăваш халăхне // Тем чухлĕ ыра сунса // Çак пĕчĕк кĕнекене // Çыратăп хавасланса» (Нашему чувашскому народу // Пожелав изобилие добра, // Настоящую книжечку // Сочиняю с радостью я).

Уже к концу 1902 г. автор переводов и оригинальных стихотворений переходит к самоанализу и рассуждениям. Отталкиваясь от высказывания Н.М. Карамзина, он задается вопросом: «Какое время в жизни самое счастливое?» – и доказывает

обратное писателю-сентименталисту: «Зрелый возраст не есть счастливейшее время жизни».

Автор дневника пытается провести границу между понятиями «самолюбие» и «себялюбие», дает советы учителям, выражает свои мысли относительно проведения в сельских школах урока пения. В начале 1903 г. «пиит» планирует написать автобиографию на русском и записки на чувашском языках, а также мечтает о создании пьесы «На кормежке» на двух языках²⁰.

С конца января 1903 г. Г. Комиссаров (Вандер) начинает сочинять лирическую прозу в форме сна («Вой выюги в окне», «Чудесный сон»), размышлений («Моя склонность писать...», «У меня зародилась мысль...», «Наши чуваша во многом изменились...»), «Мечты», «Чувство», «Счастье»). Многие из них медитативны и логически выстроены.

После урока логики по теме анализа (28 марта 1903 г.) выпускник СЧУШ сделал в своем дневнике следующую запись: «Сегодня у меня появилось желание заняться изучением образцов рассуждений, чтобы выучиться писать хорошие рассуждения, на которые влияет и сама форма (или план) изложения»²¹. В творческой индивидуальности Г. Комиссарова (Вандера) то попеременно, то одновременно проявили себя два начала: образно-лирическое и научно-аналитическое. Примерно до 1908 г. возобладало в нем первое, а позже – второе. Данное изменение было, очевидно, отражением многогранности этой личности, также связано было с социально-политическими условиями жизни того времени и биографическими особенностями (учеба в Казанской духовной академии) самого творца. Отошел он от другого «пиита» (Г. Коренькова) не в духовном плане, а в аспекте изменения формы творческой деятельности. И стал он ученым-универсалом: этнографом, литературоведом, историком, философом (последователь идей Вл. Соловьева о Богочеловечестве).

После окончания СЧУШ Г. Комиссаров (Вандер) включил в свои дневники рассказы автобиографического плана («Первые шаги молодого учителя», «Новый год», «Отъезд в училище», «Начало занятий после Святков», «Масленица 1904 года», «Ледоход на Суре», «Летний вakat 1904 года»), стихотворения

и публицистику с размышлениями о чувашском народе и его свободе.

Своеобразным жанром в творчестве Г. Комиссарова (Вандера) является эссе (*несер*) «Я сидел в своей избенке...», сочиненное либо в последние месяцы 1905 г., либо чуть позже, но до 11 февраля 1906 г. Начинается произведение стихотворными строками и постепенно переходит в прозаическое повествование. Герой-рассказчик погружается в дремоту и слышит «грубые голоса» и «какой-то знакомый женский крик». Оказывается, жандарм и трое полицейских ведут «оную девицу невероятной красоты». Она есть Мысль. «Не унывайте, скажите почитающим меня, сплотитесь, соединяйтесь – и Вам удастся вырвать меня из рук невежественных палачей. Мое сердце чувствует, что близок час моего освобождения...» – обращается девушка к рассказчику. Последний стоял посреди улицы «как пристреленный». На риторический вопрос («За что она в неволе?») герой отвечает такими словами: «За добро, за то, что к свету решила людей повести! О позор, о низость людская!» Как видно из примера, в конце эссе опять появляется стихотворный ритм, которым окольцовано данное произведение.

Чем ближе 1908 г., тем реже в «Дневниках» записи чисто дневникового характера, чувствуется охлаждение автора к данному жанру самоописательной прозы. Опыты Г. Комиссарова (Вандера) продолжают А. Турхан, К. Иванов (Кашкыр) и Н. Шубоссинни и другие творческие деятели. Но они не показали того жанрового разнообразия и не достигли той философской глубины, которые имеются в «Дневниках» Г. Комиссарова (Вандера). Им была предначертана Богом (*Турй*) иная историческая миссия, быть может, с более значимыми задачами. В области же художественного самопознания и философии не было более эрудированного и утонченного писателя-ученого, чем автор «Дневников»²².

4

Чувашская детская проза развивалась динамичнее, чем проза для взрослых. Например, в «Букварь для чувашей с соединением русской азбуки» (1904) вошло всего 75 ориги-

нальных рассказов светского содержания и 9 народных песен²³. Основная часть прозаических текстов была сочинена учениками СЧУШ начиная с 70-х гг. XIX в. до 1902 г. По воспоминаниям Г. Комиссарова (Вандера), рассказы «Эпё сехет сёмёрни» (Как я разобрал часы), «Вилнё чёпё чёрёлни» (Оживление цыпленка), «Туй курма тарса кайни» (Удирание на свадьбопредставление) и «Тăман айне пулнă сын» (Человек под сугробом) были написаны учениками приготовительного класса СЧУШ по заданию учителей К.С. Сергеева и С.А. Артемьева в 1900–1901 гг.²⁴. Составители включили в данное 16-е издание два самостоятельных рассказа из повести (цикла рассказов) Игн. Иванова «Чăвашем епле пурăнни» (Как живут чуваш. 1876). Первый называется «Лайăх, асла, кăмăлла сын пурне те юрăхлă» (Хороший, умный, приветливый человек всем пригож), а второй – «Атăна тăхăн та сăпатăна та кăларса ан пăрах» (Сапоги обувай, но и лапти не выбрасывай).

В 1907 г. для чтения чувашскими школьниками издается сразу несколько прозаических книг, главным образом переводных: Толстой Л.Н. «Турă тўрре курать те, анчах каласса час каламасть» (Бог правду видит, да нескоро скажет. Симбирск, 1907; в книге также: «Салтак арăмин пурнăсё» – Солдаткино житье); Толстой Л.Н. «Кавкасла тыткăнра пурăннă сын» (Кавказский пленник. Симбирск, 1907); Толстой Л.Н. «Первая и вторая книги для чтения графа Л.Н. Толстого». (Симбирск, 1907, на чуваш. яз.); Толстой Л.Н. «Третья и четвертая книги для чтения графа Л.Н. Толстого» (Школра вулакан кёнекесем. Симбирск, 1907); «Книга для чтения на чувашском языке» (Вып. 1. Под ред. Н.В. Никольского. Казань, 1907); Баранов А. «Книга для классного чтения в начальных школах» (Класра вуламалли кёнеке. Пер. И. Степанова. Симбирск, 1907).

Из перечисленного лишь первая и вторая книги для чтения Л.Н. Толстого были переведены учителем СЧУШ П.В. Васильевым в 80-е гг. XIX в.²⁵ Все остальные переведены и впервые изданы в начале XX в. Центром переводов произведений Л.Н. Толстого и текстов хрестоматии для чтения А. Баранова была СЧУШ. Выбор авторов осуществлял инспектор И.Я. Яковлев. Его взгляды на жизнь во многом совпадали с

идеями великого русского мыслителя, творца и педагога Л.Н. Толстого. Он, как и Л.Н. Толстой, недолюбливал священнослужителей, возвеличивал нравы и ценности простых крестьян, их педагогические взгляды. Вся его переводческая деятельность была подчинена главной идее – развивать школьное дело чувашского народа, издавать книги на средства миссионерских обществ и государства. Чувашский патриарх ратовал за общую христианско-чувашскую культуру, защищал фольклор от крайних правых. Конечно же, просветитель знал определение Синода о графе Льве Толстом (от 20–22 февраля 1901 г.) и ответ последнего на данное определение, в котором имеются такие строки: «Если чувашин мажет своего идола сметаной или сечет его, я могу равнодушно пройти мимо, потому что он делает во имя чуждого мне своего суеверия и не касается того, что для меня священо...»²⁶ В отличие от многих миссионеров (их Л.Н. Толстой называет «религиозными обманщиками»), гениальный художник не настроен агрессивно к религиям других народов, в том числе и чувашской.

С великим русским писателем переписывались чувашские эсеры М. Юман и Г. Алюнов. Первый обвинял тех писак, которые лживо говорили об отсутствии у народа человеческого образа вследствие своего невежества, о грубом идолопоклонстве чувашей. «Это неправда, – решительно опровергает М. Юман клеветнические измышления врагов чувашского народа. – Если и нельзя отрицать того, что многие из них, кроме единого Бога, веруют в различных духов, добрых и злых, но ведь это не говорит о том, что у них спит душа, долженствующая искать и находить единение с Богом. Во всяком случае, народ, проводящий всю свою жизнь в постоянном труде, стоит ближе к истинному смыслу жизни, чем культурное общество, которое всегда предпочитает внешнюю земную обстановку жизни внутреннему ее содержанию»²⁷.

Продолжая диалог с Толстым о религиозно-нравственном состоянии своего народа, во втором письме М. Юман как бы мимоходом критикует церковников вроде К.П. Победоносцева и Н.И. Ильминского: «Я говорю, что Ильминский был человек глубоко верующий, но он был очень большой церковник. Трудно решить: принесло ли созданное его трудами дело

большую пользу. Правда, инородцы услышали о Христе, но о каком Христе? Ведь тут работал Синод»²⁸.

Целью обращения чувашского революционера-писателя к Л.Н. Толстому явилось, как он сообщил в начале первого письма, желание познакомить чувашский народ с трудами писателя-старца «по исканию смысла жизни». В действительности, он искал поддержки у великого мыслителя и творца в борьбе против христианско-миссионерских просветителей, в первую очередь против деятельности И.Я. Яковлева и его учеников. Но в повествовании М. Юмана чувствуется и упрек в адрес властей государствообразующего народа. Главной причиной вымирания «инородцев» он считает их нищету. «Ведь все инородцы во время русской колонизации загонялись с лучших насиженных мест по рекам в глубь степей, – развивает свою мысль чувашский писатель. – Отсюда – инородцы Поволжья в настоящее время занимают места менее плодородные, чем русские крестьяне»²⁹.

В том же 1908 г. обратился с письмом к Л.Н. Толстому другой чувашский писатель, эсер-публицист, один из лидеров чувашского национального движения Г. Алюнов. Ссылаясь на письма своих сородичей (М. Юмана и А. Никитина) к русскому писателю, он пишет «о крайней желательности перевода» некоторых произведений Л.Н. Толстого на чувашский язык по той причине, что переводная христианская литература (общим тиражом около 300 тыс. экземпляров) вся проникнута «староцерковным в православном смысле духом»³⁰.

Г. Алюнов не скрывает своего отрицательного отношения к переводческой деятельности таких просветителей, как И.Я. Яковлев и Н.В. Никольский. «Лучшею частью чувашской интеллигенции (учителями и учащейся молодежью) года два тому назад была сделана попытка дать чувашам пищу иного рода, – откровенничает автор письма. – Организовавшись в форме кружка деятелей по образованию чуваш[ей], эта часть нашей интеллигенции издавала в 1906–1907 гг. еженедельную газету «Хыпар» (Вести); ею же были изданы за указанное время книжки. <...> Но деятельность кружка прекратилась: с одной стороны, иссякли все собранные с большим трудом средства, а с другой стороны – одолели административные кары:

наиболее деятельные члены были засажены в тюрьмы или сосланы...»³¹

Итак, к творчеству Л.Н. Толстого обращались как просветитель И.Я. Яковлев со своими учениками-переводчиками, так и оппозиционные им революционеры-публицисты. Первым были по душе нравственно-педагогические школьные рассказы писателя, а вторым – его враждебное отношение к церкви и церковникам, самодержавной власти. Данную позицию чувашских эсеров ярко иллюстрируют следующие строки из письма Г. Алюнова к священнику А.В. Рекееву, одному из первых учеников чувашского патриарха: «Вы пишете, что казанский иерарх не благоволит к инородцам. Это так должно и быть. У этих людей так называемое равенство существует только в речах. <...> И то сказать: заветы Ильминского забываются не только русскими иерархами – их плохо помнят и вчерашние пастыри. <...> Стремление к карьере чего бы то ни стоило – вот что обуреует многих из так называемых верных последователей великого покойника...»³²

Из переводов «хыпаровцев» СЧУ произведений Л.Н. Толстого следует назвать переводы М. Акимова. Первый перевод называется «Ситмен пурнӑҫ» (Бедная жизнь) и представляет собой отрывок статьи русского писателя «Великий грех», а второй – фрагмент рассказа «Корней Васильев»³³. Во всех перечисленных произведениях Л.Н. Толстого повествуется о бедных крестьянах, страдающих из-за безземелья, или же описываются их нравы (зависть, рукоприкладство) как вечные спутники бедной жизни российских крестьян.

Выбор произведений для перевода был сделан не только с учетом потенциального читателя, но и с идейных позиций самих переводчиков и их руководителей. Переводческая группа И.Я. Яковлева не выходила за рамки школьных программ и учебников, но в поэтику прозы она внесла немало новшеств. Например, многие стихотворные тексты из хрестоматии А. Баранова И. Степанов перевел прозой, что, безусловно, способствовало развитию чувашской лирической прозы, поэтики лирического нарратива. Прежде всего следует отметить значение переводов в обогащении пейзажа, портрета, психологических изображений персонажей и героев. Чувашские

школьники получили возможность ознакомиться с творчеством и художественным мастерством А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Л. Толстого и других русских писателей.

Книгу для чтения И.С. Михеева перевел священник Н. Кузьмин, а редактировал ее Н.В. Никольский³⁴. Данная хрестоматия удмуртского просветителя, переведенная по инициативе Переводческой комиссии Казанского учебного округа на другие языки народов региона, более консервативна и самодержавоцентрична, в ней много религиозных текстов. Она намного уступает хрестоматии А. Баранова, тем более книгам для чтения Л. Толстого и И. Яковлева. В последних больше высокохудожественных и оригинальных текстов светского содержания.

Таким образом, чувашская детская проза 1900–1908 гг. развивалась главным образом благодаря оригинальным текстам из букварей и книг для чтения, а также переводам произведений русской литературы для детей. В эти годы интенсивно развивалась лирическая проза с углубленным психологическим анализом.

5

До конца 1905 г. чувашская публицистика создавалась преимущественно на русском языке. С острополюемичными статьями нередко выступали активные деятели чувашской культуры и образования, лидеры национального и общественно-политического движения (Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров, Г.Ф. Алюнов, Д.П. Петров и др.). Первые чувашские публицисты трудились в газетах «Казанская газета» и «Волжский вестник», печатали статьи о жизни чувашей и других народов Казанского края.

С января 1906 г. начинается новая эра чувашской публицистики: в «Хыпаре» Н.В. Никольского интенсивно развиваются все жанры национальной публицистики: корреспонденция, статья, очерк, репортаж, фельетон, памфлет и т.д. В них затрагиваются назревшие вопросы крестьянской жизни. Например, в первом номере «Хыпара» художественно описан диалог старца-монаха с революционером. «Нам сегодня без

волнений жить невозможно, – объясняет беглый революционер старцу. – Старшие господа (*аслй пуслӑхсем*) начали обманывать. Крадут, черти, народ грабят да Россию продали японцам...»

Рассуждая о казне, монах рассказывает о сборе налогов в деревнях: «Иногда и один рубль невозможно найти. Увозят рожь в город, или же последнюю овцу (корову) продаешь. Бывает хуже. Приходят полицейские и самого посадят в тюрьму; будешь сидеть там, кормя собак, но скотину твою все равно продадут. Иногда и розги дадут попробовать»³⁵. В данном публицистическом рассказе даже оппонент революционера признает безвыходность положения крестьянина, понимает его безысходное горе, показывает униженное состояние простого землепашца. Симпатия автора на стороне сельского налогоплательщика.

В аналитическо-публицистической статье «Пуянсем» (Богачи) неизвестный автор показывает современную чувашскую жизнь в деревне, в которой богатый с каждым годом богатеет, а бедный доходит до нищеты. Первый жертвует церкви вещи и деньги, за что священник возвышает богача и благодарит от имени самого Господа. А бедный стоит и думает: «И батюшка его хвалит, если умножатся подобные люди, то мы должны повесить на себя нищенские сумы и пойти по миру». Бедняк убежден, что в подаренной священнику ризе есть и его слезы (*ман куçсулӑ те пур*)³⁶.

Автор газетного материала «Хёрарӑмсене сӗр парасси синчен» (О наделении женщин землей), скрывшийся под псевдонимом «Тиек» (Писарь), рассуждает так: «Женщин следует наделять землей так же, как и мужчин; если же земли мало, то дать им хотя бы половину надела мужчин»³⁷.

Сильная сторона газетной публицистики – возможность диалога автора с читателем, их взаимной реакции на высказанные мнения. Через корреспонденции читатели узнают о недавних событиях и происшествиях. Например, в материале «Шупашкар усӗнчи Апаш» (Абашево Чебоксарского уезда) рассказывается о волнениях сельских чувашей и умирении их казаками. Первых ставили на колени, а один смекалистый мужик возмутился: «Вы же не боги, чтобы становиться перед

вами на колени». Автор корреспонденции умело обобщает данное происшествие: «Почему народ волнуется в Абашеве? Не только там, везде народ волнуется. В одних местах из-за нехватки земли, в других местах – из-за притеснения со всех сторон, иногда из-за необъяснения царских законов и манифестов народ волнуется»³⁸.

Многие публицистические материалы «Хыпара» Н.В. Никольского характеризуют положение чувашского крестьянства («Положение меняется», «Говорящий правду – не мил и родному» и др.). В статьях доказывают роль родного языка и газеты на родном языке в развитии чувашского народа и его культуры («Наш язык» С. Тыванъялзема, «Пишущим по-чувашски» И. Юрки, «О газете на чувашском языке» Е. Трофимова и др.).

Свою статью «Мёнле хаҫат, мёнле кёнеке илес?» (Какую газету, какую книгу покупать?) *Ефим Трофимович Трофимов* (1886–1916) начинает с описания частного разговора с крестьянином. Оказывается, земские и урядники отнимают у крестьян некоторые газеты. Публицист объясняет, что запрещают главным образом антиправительственные газеты, что является противозаконным актом. «Если в газете пишется о передаче помещичьих земель крестьянам, то эту газету не любят помещики, – объясняет читателям сотрудник редакции «Хыпара» Е. Трофимов. – Если же в газете пишется о контроле деятельности начальства, об обуздании их своеволия, то ее не любят земские, урядники»³⁹.

Е. Трофимов сочинил политическую статью «Хура халӑха мён кирлӗ?» (Что нужно простому народу?), информационно-репортаж «Патшалӑх пухӑвне каймалли ҫынсене суйлани» (Об избрании депутатов Государственной думы) и другие публицистические материалы в духе взглядов членов «Партии народной свободы»⁴⁰. Его рассказы о конкретном разговоре «по поводу» постепенно преобразовываются в диалог с читателем, ощущающим личную причастность к обсуждаемой проблеме.

В защиту «Трудовой группы» в Государственной думе выступил талантливый публицист, прозаик и драматург *Михаил Федорович Акимов* (1884–1914), активный сотрудник редакции чувашской газеты. В статье-размышлении «Эпӗ Патшалӑх пухӑвӗ ҫинчен шухӑшлани» (Мои размышления по поводу Государст-

венной думы) публицист приводит примеры из политической жизни Германии в 1848 г. и приходит к выводу, что Манифест от 17 октября 1905 г. «продырили как сито» (*ала нек шйтӓклатса пӓтерчӓс*). Без поддержки народа «Трудовая группа», как полагает автор статьи, ничего не сможет сделать. Поэтому крестьяне должны помогать ей своими действиями и активностью⁴¹.

Под псевдонимом «Сав» (Тот) М. Акимов опубликовал политический памфлет «Самана улшӓанса пырать» (Времена меняются), в котором в аллегорической форме рассказал о «великом господине» (*пысӓк ултут*) – И.Я. Яковлеве, агитировавшем среди чувашей в пользу помещиков и земских начальников⁴². В саркастической форме изображен «великий господин», который рекомендует сеять крестьянам во дворе, на крышах домов и других строений. Озлобленные чувашаи гонят защитника помещиков и чиновников. Они теперь изменились и не боятся «великих господ».

В статье «Улпут чапӓ – хресчен йывӓр кунӓ» (Помещичья слава – крестьянская неволя) М. Акимов разоблачает обман помещиков, их продажность и лицемерие, союз с исправниками и урядниками. Писатель завершает статью выражением веры в будущее, в торжество добра и справедливости: «Бедный крестьянин, ты терпи. Недолго, но все же терпи! Придет и твой черед! И ты будешь так же праздновать!»⁴³

Публицистическая проза М. Акимова богата и разнообразна. В 1906 г. он издал книгу «Пурне те кирлӓ сӓмахсем» (Всем необходимые слова), в которой приведены цифры и сведения, показывающие бедственное положение крестьян и паразитический образ жизни царского двора и помещиков⁴⁴.

В «Хыпаре» М. Акимов выступил и как мастер рассказа («Кӓтӓ пухӓвӓ» – Сельский сход; «Шӓт туни» – Шутка). Его проза насыщена диалогами, нарратив основан на социальном анализе жизненных фактов, автор раскрывает их причинно-следственные связи. Все это способствовало утверждению в литературе реализма с критическими элементами. Если в поэзии критика направлена в будущее, то в прозе она полностью подчинена заботам настоящего времени.

В «Хыпаре» СЧУ постоянно выступали публицисты *Сидор Игнатьев* (1881–1917), *Василий Иванов* (*Кривов*, 1876–?),

Федор Николаев (Сергеев, 1881–1941) и другие деятели чувашского национального движения начала XX в. Благодаря их творчеству чувашская публицистическая проза достигла определенных успехов как в плане обогащения жанровой системы, так и в аспекте художественного освоения жизненного материала. В 1906–1907 гг. чувашская проза сделала резкий поворот от чисто просветительского реализма в сторону реализма классического (зрелого) типа с немалыми элементами критики действительности. Писатели чаще стали задаваться вопросом об освобождении личности, изображать конфликт между личностью и обществом, между «отцами» и «детьми».

Аналогичные изменения в начале XX в. происходили и в татарской литературе. В ней шел интенсивный процесс перехода от идеального, нормативного героя просветительского реализма к герою реалистическому или же романтическому, свободному от предвзятых нормативов⁴⁵. Данная идейно-эстетическая концепция ориентировалась на героя, взятого из самой действительности, который был как бы освящен новыми идеалами (социальное равенство, свобода личности и народа, развитие светской культуры и науки).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чувашская творческая интеллигенция начала XX в. значительно отличалась от своих предшественников как в понимании цели индивидуально-личностного и национального бытия, так и в восприятии изображаемой ими реальной действительности. Такое качественное изменение художественно-личностного сознания чувашских писателей стало возможным благодаря этноцентричному синтезу отдельных сфер общественного сознания, прежде всего научно-аналитического. Именно оно способствовало созданию в потоке множества идейно-политических, философско-мировоззренческих и других течений единого общенационального русла.

Поиск новой парадигмы социокультурного функционирования чувашского этноса в сообществе более высокого уровня (Российской империи) привел ученых и писателей к выявлению этнообразующих констант и осознанию новой аксиологической иерархии в культуре. Национальная интеллигенция, в том числе и творческая, упорно защищала эти ценности и ускоренно развивала те сферы культуры, которые необходимы были молодой этнокультурной нации в условиях ее окончательного становления.

По мере утверждения в мышлении писателей европейского (линейного) представления о времени и строгих логических конструкций они все чаще стали задумываться о прошлой и настоящей жизни народа, переживать за его будущую судьбу. В те годы предлагалось несколько возможных вариантов путей развития общества, и каждому деятелю культуры необходимо было сделать свой исторический выбор. Их общественно-политические установки и взгляды на мироустройство по своему преломлялись в художественном творчестве, способствовали образованию типологических сходств и параллелей в индивидуальном стиле и поэтике отдельных писателей.

Главной литературно-культурной силой в чувашском обществе 1900–1908 гг. было так называемое центристское течение, опиравшееся на богатые традиции яковлевского просветительства. К данному общенациональному движению примыкали писатели как умеренно правых, так и умеренно левых взглядов. Их объединяла общенациональная идея со следующими базисными составляющими: родной язык, церковно-

христианская и народно-светская письменная культура, школьное образование. Именно писатели-центристы вели борьбу за сохранение в школах родного языка детей, наравне с художественной литературой занимались чувашскими гуманитарными науками, изданием национальных книг, журналов и газет. Представители основного литературно-культурного потока интенсивно развивали лирику, лироэпiku, а также закладывали основы чувашской драмы.

Благодаря деятельности Н.В. Никольского в общенациональный поток влились как умеренно правые, так и умеренно левые писатели: братья Турханы, Т. Кириллов, Д. Филимонов, «пииты» СЧУШ, Ив. Юркин и др. К 1908 г. значительно «полевел» и сам И.Я. Яковлев. С новых позиций патриарх оценил реакционную сущность рецензии О. Романова на рукопись фольклорных текстов Ив. Юркина.

Писатели правого течения работали преимущественно в жанрах церковно-миссионерской литературы. Лишь Т. Кириллов несколько раз обращается к лиро-эпическим жанрам, но достичь больших успехов в поэзии он не сумел. Посредственными писателями оставались и другие его коллеги по взглядам.

Радикально левые писатели и журналисты объединились вокруг газеты «Хыпар» Союза чувашских учителей, поэтому они активно развивали социологическо-публицистическую литературу. Своей критикой властей и чиновников разного уровня, саркастическими образами в стихотворных и прозаических произведениях писатели данного литературного течения внесли в старый метод просветительского реализма свежую струю критицизма с его причинно-следственным анализом. Левые радикалы имели неосуществимые и народно-общественные сказочно-романтические мечты о создании справедливого общества без зла в облике богачей и чиновников. В творчестве писателей данного течения сложно переплелись элементы разных творческих методов, в частности романтизма и зрелого (критического) реализма классических литератур Европы. Происходил своеобразный синтез известных в литературном мире творческих методов, который невозможно назвать простым смешением. Веками накопленный

опыт зрелых литератур был использован молодыми литераторами творчески, хотя он для них являлся не выстраданным, а возвращенным на иной почве, в иных климатических условиях, поэтому оставался для многих писателей чужим.

Чувашскую литературу 1900–1908 гг. следует назвать художественной системой, упорно преодолевающей свою изолированность (монологичность) и стремящейся к открытости (диалогичности). Она входила в диалог прежде всего с родной «античностью» (фольклором) и русской литературой первой половины XIX в., а в дальнейшем – с творчеством русских писателей второй половины XIX в. и европейских классиков эпох Возрождения и Просвещения.

Переход национальной литературы от монологичности к диалогическим отношениям с другими литературами протекал неравномерно, но динамично, что способствовало формированию национальной литературной классики. Уже в творчестве «переводчиков» СЧУШ (прежде всего в произведениях К. Иванова (Кашкыра)) имеется полемическая ориентация на «чужое» высказывание, которая создает внутреннее напряжение между разными смысловыми позициями. В результате такого диалогического контакта рождается совершенно новый смысл, определяющий фактическую глубину художественной идеи произведения¹.

Вспомним отношение чувашских просветителей и социалистов-революционеров к творчеству великого русского писателя Л.Н. Толстого. Все они для себя извлекали из его произведений смысл, при этом всячески избегали равноправных с писателем диалогических отношений.

К. Иванов (Кашкыр) поступил иначе. Подобно итальянским творцам эпохи Возрождения, он вошел в диалог с чувашской «античностью» (народным поэтическим творчеством), а также как реалист полемизировал с Л.Н. Толстым по поводу его идеи непротивления злу насилием.

Чувашское народное представление о смысле жизни зиждется на идее цикличного возвращения через временный уход во временном пространстве *сутӑ ҫанталӑк* (*сутӑ* – светлый, *ҫан* – вселенная, природа, *тавлӑк* – цикл), т.е. цикла мирозда-

нья. В нем Человек существует вместе с Природой, при этом они вечно уходят и возвращаются.

Смысл жизни человека, как понимал его К. Иванов (Кашкыр), заключается в возвращении его искренних чувств, прежде всего любви к ближнему и родным. Наиболее совершенной должна быть любовь между мужем и женой. Жена является символом недостижимой красоты и прародительницы-матери. Любовь Нарспи и Сетнера возвращается вместе с весной и обретает неподвижное состояние в холодные зимние месяцы. Герои уходят, чтобы вновь вернуться и напомнить о себе. В новой исторической реальности они обретают новые качества.

В чувашском фольклоре добро побеждает зло, оно активно и в определенной степени агрессивно. По убеждению же Л.Н. Толстого, противление злу насилием лишь увеличивает зло в мире². В таких случаях христианство призывает к прощению и покаянию. Но они, как полагал чувашский мыслитель, не разрешают проблемы зла и не уменьшают его. Следует бороться с «нераскаившимися» и «неисправляющимися» насильниками вроде Тыхтамана. Как писал философ И.А. Ильин, «есть злодеи, по отношению к которым последняя вспышка угасшей жалости только и может выразиться в ускорении их смертной казни»³. Русский философ приходит к выводу, что вся проблема сопротивления злу разрешается единственным принципом: «борьба ведется именно любовью, но одухотворенною любовью»⁴.

Главные герои произведений К. Иванова (Кашкыра) противостоят злу своей любовью (одухотворенно-интимной, родственной), а главные их достоинства – это наличие нежно-ласковой души *семсе чун* (досл.: мягкая душа). Соответственно, зло совершают люди с черствой (затвердевшей) душой (*хытай чун*), в которой нет места для любви к ближнему. «Противиться злу следует, – рассуждал русский философ И.А. Ильин, – из любви, от любви и посредством любви»⁵. Именно так поступают главные герои чувашского гения. Бегство от зла не спасет добро, и это не может являться практическим руководством в жизни⁶. Морали бегства Л.Н. Толстого К. Иванов (Кашкыр) противопоставил идею жертвования своей праведностью ради победы над злом.

Творчество К. Иванова (Кашкыра) не только диалогично, но и полилогично. Благодаря этому гению чувашская литература в 1907–1908 гг. стала открытой и самодостаточной художественной системой, активно ведущей равноправный полилог в пространстве общечеловеческих ценностей и человеческой вербальной бытийности.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

Поэзия

¹ *Родионов В.Г.* О типах чувашского национального мышления // *Родионов В.Г.* Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1997. С. 247–255.

² *Юрьева О.Ю.* Идея синтеза в русском художественном сознании XIX столетия [Электронный ресурс]. URL:<http://www.mineralov.ru/Yurjeva8.htm> [дата обращения: 18.04.2010].

³ *Иванов-Ехвет А.* Музы ищут приют. К истории дореволюционных русско-чувашских культурных взаимосвязей. Музыка. Театр. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. С. 96–97.

⁴ *Мошков В.А.* Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. Мелодии чувашских песен // ИОАИЭ. Т. 11. Казань, 1893. Вып. 1. С. 31–64; Вып. 2. С. 167–182; Вып. 3. С. 261–276; Вып. 4. С. 369–376.

⁵ Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. Симбирск, 1908. В 1912 г. П. Пазухин издал вторую часть данного сборника, в которую вошли еще 98 мотивов и около 650 куплетов.

⁶ *Иванов-Ехвет А.* Указ. соч. С. 173.

⁷ *Комиссаров Г.И.* О чувашах: Исследования. Воспоминания. Дневники, письма. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 475.

⁸ *Кондратьев М.Г.* У истоков чувашской композиторской песни // Вопросы истории чувашского искусства. Чебоксары: НИИ ЯЛИЭ при СМ Чувашской АССР, 1987. С. 13.

⁹ *Кондратьев А.А.* Марийский ученый и просветитель В.М. Васильев. Уфа, 2009. С. 52.

¹⁰ *Исаев Г.Г.* К вопросу о стилистике и сюжете «Чайной» // Сборник научных статей докторантов, аспирантов и соискателей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. Вып. 3. С. 26.

¹¹ *Комиссаров Г.И.* Указ. соч. С. 466.

¹² *Родионов В.Г.* Фольклор у чувашей // Чувашки: Современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988. Гл. VII. Ср. *Его же.* Этнос. Культура. Слово. С. 84–88.

¹³ Были выделены следующие темы и проблемы: 1. Времена года, природные явления, ландшафт, флора, фауна и т.д. 2. Родной дом, деревня, народ, язык и культура, родство, дружба, единство, труд и т.д. 3. Любовь, молодежь и их игры, обрядовые действия, развлечения. 4. Бедность, социальное неравенство, война, борьба за новое. 5. Старость – молодость, абстрактные и философские понятия (счастье, радость, думы и т.д.). 6. Нравственные недостатки отдельных

людей (хвастовство, глупость и т.д.). 7. Сюжет, развивающийся на основе личностных мотивов и поступков. 8. Сюжет, развивающийся на основе социальных мотивов и поступков. 9. Новая жизнь – старая жизнь. См.: *Родионов В.Г.* Чувашский стих: проблемы становления и развития. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. С. 127–129.

¹⁴ В начале 80-х гг. XIX в. М. Арзамасов собирал тексты народной лирики, а в 1882 г. в «Известиях и ученых записках Казанского университета» опубликовал ряд исторических преданий и пейтов о насильственной выдаче чувашской девушки за богатого марийца. В конце сюжетной песни девушка бросается в Волгу.

¹⁵ Стихотворения Х. Турхана были высланы в Казань в конце 1902 г. для помещения их в календарь следующего года. В 1903 г. Н. Никольский включил их в рукописную антологию чувашской письменной поэзии, с которой знакомились многие учителя, студенты, учащиеся разных учебных заведений. Быть может, конец стихотворения «Страшное время» убрал составитель антологии.

¹⁶ *Комиссаров Г.И.* Мои мемуары // Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. Уфа, 1999. С. 29.

¹⁷ *Юмарт Г. Ф.* Малти ретри савăс // *Кореньков Г.* Суйласа илнисем: савăсем, юмахсем, поэмăсем. Шупашкар: ЧПГĂИ, 2010. 13 с.

¹⁸ Из таких событий СЧУШ в 1902 г. Г. Комиссаров перечислил следующие: «Это представление I класса на Святках, елки и вечер с угощением тогда же, игра на скрипках курсистками на собрании школьного братства, пение первоклассника Скворцова на литературном вечере в В[еликом] посту, спектакли воспитанниц II отделения, посещение ревизоров Соловьева, а особенно проф. Будде и др.» (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 504. Л. 240 об.). Профессор Казанского университета Будде посетил класс выпускников 22 января 1903 г. Тогда Г. Комиссаров (Вандер) записал в дневнике такие слова: «Мы заметили в его ревизии ошибки: 1) заставлял разбирать поэму «Руслан и Людмила», когда мы остановились на первой песне; 2) вопреки историческим сведениям хазары у него магометанской веры; 3) составил суждение: Кочубей посажен не по недоразумению Петра Великого, его ввели в это недоразумение другие» (Там же. Л. 230-231).

¹⁹ И. Карапулова хотели исключить из школы В. Никифоров и Турченко, но за него заступились законоучитель Лебязьев и молодые учителя (Там же. Л. 256).

²⁰ Там же. Л. 252 об. – 253.

²¹ Датировку стихотворения позволяют уточнить следующие строки Г. Комиссарова (Вандера): «Он еще писал одно довольно большое стихотворение, посвященное инспектору школы Ивану

Яковлевичу» (*Комиссаров Г.И.* Г.А. Кореньков как поэт // Сăмах. Слово: 2009. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 191). Есть и такие воспоминания С.Н. Николаева: «Когда я был во втором классе, мне пришлось испытать на своих ушах цепкость и силу пальцев нашего инспектора. В пылу гнева и раздражения... он не раз пускал в ход свою тросточку, и бывали случаи полома ее об спину потерпевшего» (*Николаев С.* Воспоминания // ЛИК. 2006. № 3. С. 73).

²² Из дневника Г. Комиссарова (Вандера) можно выделить следующих преподавателей, которыми были недовольны ученики СЧУШ: В. Никифоров, Турченко, Д. Кочуров. Первый имел прозвище «Мамай», второй «Скотинин» и «Свиновар», а третий «Кучер» и «Извозчик».

²³ *Комиссаров Г.И.* О чувашах. С. 467.

²⁴ Там же. С. 457.

²⁵ Там же. С. 476–477.

²⁶ Там же. С. 495.

²⁷ Узнав известие о начале войны с Японией, Г. Комиссаров (Вандер) написал следующие строки: «Как громом поразило нас это известие. Раньше не было ни слуху ни духу о возможности войны с Японией. Во всем ведь виновата русская апатия, недалководидность. Только из писем брата, служившего в Порт-Артуре, я знал действительность» (Там же. С. 489).

²⁸ Все варианты поэмы-бывальщины «Арсури» (Леший) М. Федорова, стихотворения М. Арзамасова, Я. Турхана имеются в рукописном архиве Н.И. Ашмарина.

²⁹ *Никольский Н.* Взгляд чувашей на воинскую повинность // Православный собеседник. 1905. Февраль. С. 362–370. Отд. от.: Казань, 1905. 20 с. Статья написана в 1904 г.

³⁰ *Никольский Н.В.* «Хыпар» – 1906–1907 сұлсенчи эрнере пёрре тухса тăнă чăваш хаçачё // Хыпарçăсем [Сб. материалов, опубликованных в газете «Хыпар» (1906–1907 гг.)]. Шупашкар: Чăваш АССР гос-во изд-ви, 1961. 240–254 с.

³¹ *Нуруллин И.* Тукай. М.: Молодая гвардия, 1977. С. 60–68.

³² *Комиссаров Г.И.* О чувашах. С. 498.

³³ *Турхан Э.* Юлашки юрăм. Ырнисен пуххи. Шупашкар: Сĕнĕ Вăхăт, 2010. 116 с.

³⁴ *Хыпарçăсем.* 71–74 с.

³⁵ «6 ноября в с. Аликово съехались учителя и учительницы. Все это было так ново, но так интересовало, что учителя и учительницы даже не знали, зачем они идут, но им хотелось послушать, о чем бу-

---

дут рассуждать. Это был тот съезд учителей, который наделал так много шума. Это тот самый съезд, который не признавал над собой никакой полицейской опеки, не нашел возможным допустить хотя бы в качестве зрителей не только урядника, но и священника. Это собрание потом было признано учредительным: оно положило начало организации группы учащихся Ядринского уезда, которая присоединилась ко Всероссийскому союзу учителей (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 504. Л. 139 об.). Запись была сделана 11 февраля 1906 г. Все это документально подтверждает истинность содержания стихотворения «Учительской марсельезы» и опровергает мнение тех, кто подозревает поэта в большой переделке своих дореволюционных стихотворений в советское время.

³⁶ Павлов Ф.П. Собр. соч. Второе, доп. изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. С. 420.

³⁷ В описи документов Т. Тайыра, изъятых при его аресте 31 мая 1907 г., под номером 10 записано: «Начало стихотворения о жадном «попе», который «иногда вырывал у человека изо рта кусок хлеба, а иногда грабил чужое добро при помощи льстивых уговоров» (*Ашмарин Н.И.* Опись рукописей Тайыра Тимки // *Ашмарин Н.И.* Чувашская народная словесность. С. 331).

³⁸ В статье «Положение приволжских чувашей в настоящее время» Д. Филимонов писал, что духовенство из чувашей вовсе не идет против манифеста от 17 октября 1905 г. Оно, как вышедшее из народа, ни в каком случае не может стоять на стороне насилия и произвола и, согласно велениям своей совести, открыто и мужественно защищает права и свободу народа. «Но оно, – развивает свою мысль Д. Филимонов, – ни в каком случае не может спокойно, без сердечной боли, взирать на рискованное неразумное стремление молодых чувашских деятелей производить опыты социалистического учения на спинах такой маленькой народности, как наши чуваша. Нет никакой нужды революционизировать чуваш[ей] и выставлять их на арену политической борьбы и таким образом сознательно наталкивать их, без того малочисленных, на кровавую катастрофу» (*Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты. Биографии и судьбы. Изд. второе, испр. и доп. Чебоксары, 2004. С. 57).

³⁹ Исследователи полагают, что перевод был сделан не ранее 10 и не позднее 25 октября 1906 г. (*Иванов К.* Собр. соч. Второе, доп. изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 364).

⁴⁰ Создание Н.В. Никольским в 1917 г. Общества мелких народностей Поволжья и развитая разветвленная сеть филиалов Чу-

---

вашского национального общества, участие в выборах в Учредительное собрание отдельным списком придали чувашскому национальному движению роль третьей (наряду с русскими и татарами) силы, притягивающей к себе прежде всего «другие малые нации – мари, удмуртов, мордву» (*Леонтьев А.П.* «Хыпар»: минувшее и настоящее. Факты. События. Судьбы. Чебоксары: Изд. дом «Хыпар», 2011. С. 371).

⁴¹ *Комиссаров Г.* Дневники // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 504. Л. 145.

⁴² *Халит Г.* Поэзия // История татарской литературы Нового времени (XIX – начало XX в.). Казань: Фикер, 2003. С. 227.

⁴³ В тетради №1 К. Иванова (Кашкыра) имеется сравнение описаний Днепра в учебнике Кузнецова и произведении Гоголя, оно написано примерно в ноябре 1906 г. (*Иванов К.* Указ. соч. С. 310, 418). Поэт имел свои взгляды на великие произведения мировой литературной классики (Данте, Гёте, Байрона), основательно проштудировал фундаментальный литературоведческий труд Пыпина «История славянских литератур».

⁴⁴ *Иванов К.* Указ. соч. С. 307, 416.

⁴⁵ Хыпар. 1906. 17 №. Данное произведение М.Я Сироткин называет сатирическим памфлетом (*Сироткин М.Я.* Очерки дореволюционной чувашской литературы. Второе, доп. изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1967. С. 131).

⁴⁶ *Иванов К.* Указ. соч. С. 322–323.

⁴⁷ Подробнее см.: *Родионов В.* Константин Васильевич Иванов (Кашкыр). Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 69–76.

Проза и публицистика

¹ Ср. др.-тюрк. *sav/sab* «слово, речь», «весть, известие». По объяснению М.Р. Федотова, оно имеет китайское происхождение с теми же значениями. Через посредство болгар слово проникло в венгерский язык (*Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 2. С–Я. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. С. 20).

² *Мусин Ф.* Просветительский реализм и проза // История татарской литературы Нового времени (XIX – начало XX в.). Казань: Фикер, 2003. С. 130. В обеих повестях добро понимается одинаково – с точки зрения народно-религиозной морали.

---

³ Александров Г.А. Чувашские интеллигенты. Биографии и судьбы. Чебоксары, 2004. С. 134. Рецензия была опубликована в газете «Симбирянин» (1907. № 237).

⁴ Там же. До этого случая И. Яковлев помог самому О. Романову восстановиться в должности инспектора народных училищ, тем самым показал свое стремление к объединению чувашской интеллигенции в общенациональных интересах.

⁵ Константинопольри чăвашсем. Хусан, 1903. 28 с. В том же году О. Романов напечатал данный очерк Д. Архипова в своем переводе на русский язык (Исторический вестник. 1903. № 2).

⁶ Д. Филимонов руководил чувашской секцией Самарского епархиального комитета Православного миссионерского общества. В 1903 г. он издал восемь книг общим тиражом более 23 тыс. экземпляров (Чувашская книга до 1917 года: Ретросп. библиограф. указ. лит., 2-е изд., испр., доп. Чебоксары: Гос. арх. печати ЧР, 2001. С. 94–95). Т. Кириллов только в 1904 г. издал три книги (без указания автора): Кронштадтри Иоанн атте [Отец Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский)]. Казань: Тип. Императ. ун-та. 48 с.; Поучения и речи сельским жителям при их работах. Казань: Тип. А.М. Петрова, 1904. 48 с.; Çутăра сÿрĕр [Ходите во свете]. Казань, 1904.

⁷ В 1907 г. с помощью Н.В. Никольского Ив. Юркин издал за свой счет пять книг с текстами чувашской народной прозы (Чувашская книга до 1917 года. С. 129). В разных архивах России его рукописи (фольклорные тексты и оригинальные произведения) составляют более 70 томов, большая часть которых не опубликована до настоящего времени. Из рукописи Г. Тимофеева «Тăхăрьял» (Девять деревень. 1896–1903) лишь тексты песен опубликованы в сборнике И.Я. Яковлева «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним» (Симбирск: Тип. А. и М. Дмитриевых, 1908. 115 с.). П. Васильев составлял буквари, на чувашский язык переводил русскую художественную прозу, а в 1909 г. издал сборник песен, загадок и примет, записанных в с. Тюрлема (*В[асиль]ев П. Чăваш юрисем, халапсем. Хусан: Тĕп тип., 1909.*

⁸ Иванов-Ехвет А. Музы ишут приют: К истории дореволюционных русско-чувашских культурных взаимосвязей. Музыка. Театр. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. С. 212. Исследователь неправильно называет фамилию переводчика. В рукописи четко написано «А.С. Курушин». Этот же человек является автором публицистических статей «Патшалăх ёĕĕсене туса пыма сынсене суйлас ёĕ» (Об избрании людей для ведения государственных дел) и «Варçăпа

сёнтерсе илнэ халӑхсем» (Завоеванные войнами народы). См.: НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 162. Л. 718–746, 834–860.

⁹ [Кузьмин Н.] Тутарсемпе чӑвашсем (Татары и чувашы). Казань, 1906. В «Хыпаре» Н. Кузьмин опубликовал очерк «Сул сӑнче курни» (Увиденное в пути. 1906. № 12), в котором возвеличивал быт казанских татар и призывал чувашей к просвещению. О башкирских чувашах писал С. Кириллов (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 152. Л. 1–17).

¹⁰ *Комиссаров Г.И.* О чувашах. С. 480.

¹¹ *Мусин Ф.* Просветительский реализм и проза. С. 127, 133.

¹² *Тимофеев Г.Т.* Автобиографические наброски: Путешествия // *Тимофеев Г.Т.* Тӑхӑръял. Шупашкар: Чӑваш кӑн. изд-ви, 2002. С. 345.

¹³ Там же.

¹⁴ *Ашмарин Н.И.* Программа для составления чувашского словаря // Известия Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете (ИОАИЭ). Т. XVI. Казань, 1900. Вып. 2. С. 243–248.

¹⁵ План фабулы романа имел следующие пункты: «1. Поездка в города: Каз., Ниж. и проч. 2. Рассказы учителя, собранные у учеников. 3. Воспоминания: Жизнь в Тюрлеме до поступления в школу. Жизнь в Симбирской чувашской учит. школе. Путешествие. Экзамен на звание учителя. Учительство. Первый год – Перепись. Второй год – Женильба. Третий год – Таня. Четвертый год – Таня – Сережа. Пятый год – Курсы и передвижения?!» (*Тимофеев Г.Т.* Указ. соч. С. 415).

¹⁶ *Жожикашвили С.В.* Дневник // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2003. С. 232–233.

¹⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 504. 263 л. Впервые они опубликованы в следующей книге: *Комиссаров Г.И.* О чувашах. С. 445–506. Текст расшифрован В.Г. Родионовым. Имеется ряд опечаток.

¹⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 504. Л. 5–41.

¹⁹ Там же. Л. 43.

²⁰ Из дальнейших записей становится известно, что ее репетировали и, очевидно, поставили в конце марта – начале апреля 1903 г. Данную дату следует считать началом постановки на любительской сцене оригинальной пьесы чувашского драматурга. «Я написал ее, – признается автор, – по просьбе воспитанников II отделения и написал в такое время, когда времени заниматься этим делом почти вовсе не было. Кроме того, я должен был стремиться, чтобы пьеса по объему вышла небольшою, почему мне приходилось пропускать многие подробности. Написал я ее почти всю прямо набело. Однако я желаю – это то, чтобы не отняли от учеников счастья представить эту пьесу. 14 марта» (Там же. Л. 242 об.).

---

²¹ Там же. Л. 245.

²² «А философия с моей натуры, – признавался автор «Дневников». – Тут пошла такая философия, о которой, думаю, не знали ни Сократ, ни Вольтер, ни Гегель, ни Кант, ни Бокль, ни Милль» (Там же. Л. 117 об.). Г. Комиссаров (Вандер), безусловно, знал труд Г.В. Гегеля «Философия истории», лекции И. Канта и книгу Г.Т. Бокля «История цивилизации в Англии», в которых затрагивались вопросы тесного взаимодействия человеческой цивилизации и природы. Последний автор, как и О. Кант, признавал главенствующую роль развития идей и знаний в развитии общества, но, в отличие от Канта, делал обобщения на основе анализа обширного материала [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/elib/0449.html>). Д.С. Милль в сочинении «О свободе» всесторонне рассматривает вопрос о границах взаимоотношений государства и личности, проблемы защиты прав личности и прав самых разных меньшинств в условиях буржуазной демократии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotkar.ru/filosofia/64.htm>). Следует предполагать, что круг споров Г. Комиссарова (Вандера) и его друзей охватывали вышеперечисленные проблемы упомянутых философов.

²³ Малтанхи чăваш кёнеки (Букварь для чувашей с присоединением русской азбуки. Часть первая). Симбирск: Тип. А. и М. Дмитриевых, 1904. 160 с.

²⁴ *Комиссаров Г.И.* История чувашской письменности и литературы // *Комиссаров Г.И.* О чувашах. С. 356. Если учесть, что с осени 1901 г. К.С. Сергеев начал работать в Персирланском училище (Там же. С. 389. Сн. 1), то время написания рассказов датируется 1900–1901 гг.

²⁵ *Толстой Л.Н.* Школта вуламалли пёрремёшпе иккёмёш кёнекисем (Первая и вторая книги для школьного чтения) / Пер. П.В. Васильева. Симбирск, 1889. В 4-е и 5-е издания «Букваря для чувашей с присоединением русской азбуки» (Чăваш кёнеки) их составитель (П.В. Васильев) включил более 30 новых рассказов.

²⁶ *Толстой Л.Н.* Ответ на определение Синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.skeptik.net/skeptiks/sinodans.htm> (дата обращения 06.11.2011).

²⁷ Революционерчи чăваш литератури. Куçарусемпе вырăсла сырысем. Текстсем [Дореволюционная чувашская литература. Переводы и русскоязычные тексты]. II том. 2-мёш кёнеке. Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 2001. С. 459. Здесь М. Юман полемизирует и с Л.Н. Толстым, писавшим о идолопоклонстве чувашей.

---

²⁸ Там же. С. 460. Л.Н. Толстой не признавал Троицу, отвергал Христа как Бога, грехопадение первого человека считал басней, историю о Боге, родившемся от Девы, считал кощунственной (*Толстой Л.Н.* Указ. соч. С. 3).

²⁹ Там же. С. 459. В программу чувашских эсеров входила и задача возвращения колонизированных русскими помещиками исконных чувашских земель, этим они отличались от остальных российских социалистов-революционеров.

³⁰ Там же. С. 463.

³¹ Там же. Здесь под «Кружком деятелей по образованию чувашей» подразумевается Союз чувашских учителей (СЧУ).

³² Там же. С. 466.

³³ *Толстой Л.* Ҫитмен пурнăç // *Хыпар*. 1906. 31–32 №; Л.Н. Толстой каласа пани // *Хыпар*. 1906. 30 №.

³⁴ *Михеев И.С.* Книга для чтения на чувашском языке. Вып. I. Казань, 1907; Вып. II. Казань, 1908.

³⁵ Кăчуне хысна укҫа аҫтан тупё-ши? Питёрте пулни [Сегодня казна откуда находит деньги? Случай в Питере] // *Хыпар*. Хусан. 1906. 1 №. 12–16 с.

³⁶ Пуянсем (Богачи) // *Хыпар*. 1906. 5 №. 69–72 с.

³⁷ *Тиек*. Хёраpамсене ҫёр парасси ҫинчен // *Хыпар*. 1906. 6 №. 88 с.

³⁸ Шупашкар уесёни Апаш // *Хыпар*. 1906. 8 №. 128 с.

³⁹ *Трофимов Е.* Мёнле хаҫат, мёнле кёнеке илес // *Хыпар*. 1906. 27 №. 431–432 с. Е. Трофимов родился в д. Тоганаш Чебоксарского уезда. В 1905 г. вместе с М. Акимовым, Т. Лаврентьевым и М. Рлэй был отчислен из СЧУШ по причине их открытой симпатии к революционным идеям (все они Н.В. Никольским были приняты на работу в качестве сотрудников «Хыпара»). Е. Трофимов застрелился в состоянии шока после отказа зачислить его на первый курс Московского коммерческого института из-за его политических взглядов (*Лаврин ывăлĕ Тимахви*. Чăваш пичечĕ ҫинчен аса илнисем [Воспоминания о чувашской печати] // *Хыпар*ҫăсем. Шупашкар: Чăваш АССР гос-во изд-ви, 1961. 255–258 с.).

⁴⁰ Во время выборов в Государственную думу (весной 1906 г.) данная партия была главной политической силой в Казанской губернии. От чувашских крестьян тогда был избран Яков Абрамов, чьи публицистические статьи неоднократно печатались в «Хыпаре».

⁴¹ *Акимов М.* Эпĕ Патшалăх пухăвĕ ҫинчен шухăшлани // *Хыпар*. 1906. 28 №. 439–441 с.

---

⁴² *Çав. Самана улшӑнса пырать // Хыпар. 1906. 31–32 №. 492–493.* Памфлет приписывался то Т. Тайыру, то Ив. Юркину. Последний сотрудничал с редакцией «Хыпара» главным образом через Н.В. Никольского. Жанр памфлет был излюбленным жанром М. Акимова (памфлеты «Шутка» и «Удивительно»), его язык сходен с языком автора данного памфлета. Те два объединенных номера «Хыпара» были подготовлены М. Акимовым и С. Игнатьевым. В этом выпуске М. Акимов опубликовал три произведения: перевод рассказа Л. Толстого, статью «Помещицья слава – крестьянская неволя» и памфлет «Времена меняются».

⁴³ *Акимов М. Улпут чапӑ – хресчен йывӑр кунӑ // Хыпар. 1906. 31–32 №. 496 с.*

⁴⁴ *Акимов М.Ф. Пурне те кирлӑ сӑмахсем. Казань: Тип. В.М. Ключникова, 1906. Содерж.: 1. Пирӑн патшалӑхра мӑн чухлӑ сӑр. Кам ӑна тытса тӑрать? 2. Халӑха сӑр акӑ мӑн чухлӑ тивет. 3. Патша йӑхӑ илсе тӑракан доходсем. 4. Халӑх сителӑклӑхӑ.*

⁴⁵ *Халит Г. Литературно-общественное движение // История татарской литературы Нового времени (XIX – начало XX века). С. 190.*

Заключение

¹ О типах диалогических отношений между национальными литературами имеется интересное исследование В.Р. Аминовой, в котором на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в. удачно сделаны теоретические выводы в области отечественной литературоведческой компаративистики. См.: *Аминова В.Р. Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.): автореф. дис.... д-ра филол. наук. Казань, 2010. С. 14.*

² *Тамарченко Н.Д. Идея непротивления у Л. Толстого: религиозно-философские версии и художественные трактовки // Известия АН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63. № 1. С. 3–13.*

³ *Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 83.*

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Вспомним бегство Нарспи и Сетнера в лес («Нарспи»), красавицы Чегесь к родне («Железная мялка»). Их поступки подчинены следующей чувашской пословичной истине: *Паракантан ил, сӑпакантан тар* (От дающего бери, от бьющего убегай). Вариант:

Пирён пурнйҫ хйтлӓхра (Наша жизнь в лесных чащобах). В противовес народному представлению, К. Иванов (Кашкыр) доказывает, что бегством от зла спастись невозможно, ему следует активно сопротивляться.

Оглавление

Поэзия.....	13
Проза и публицистика	62
Заключение.....	88
Литература и примечания.....	93

Научное издание

РОДИОНОВ Виталий Григорьевич

ЧУВАШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
1900–1908 ГОДОВ

Редактор Т.Н. Таймасова

Подписано в печать 29.05.2012.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Печать оперативная. Гарнитура Times.
Физ. печ. л. 6,5. Тираж 200 экз. Заказ № К-70.

Отпечатано в типографии И.П. Сорокина А.В. «Новое Время»
428034, г. Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, 50/1
Тел.: (8352) 41-27-98, 46-43-46